

Крейг Оулсен

18+

14
45

ОБРАТНЫЙ ПРОЦЕСС
РЕКИ КРОВИ

18+

Крейг Оулсен

Обратный процесс. Реки крови

<https://litres.ru/63644286>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жизнь счастливых молодоженов Клэр и Джеймса меняется в одночасье: узнав, что из-за перенесенной в детстве вирусной инфекции Джеймс не может иметь детей, они расстаются. Тем временем вокруг происходят странности: знакомый мир рушится по планете шагает неизвестный науке вирус. Заболевшие им люди постепенно тупеют, в итоге превращаясь в блуждающих. Первыми под удар попадают старики. Но есть и те, кто не подвержен болезни, военные и ученые называют их иммунными. В их числе оказывается и Джеймс

Обратный процесс. Реки крови альтернативный взгляд на антиутопическое будущее человечества, захваченного неизвестным вирусом; роман, поднимающий вопрос о том, можно ли остаться человеком в мире, который сошел с ума.

Крейг Оулсен

Обратный процесс.

Реки крови

Часть 1. Друзья и враги

— Глава I —

Клэр

После свадьбы с любимым мужчиной Клэр чувствовала себя на седьмом небе от счастья. Джеймс казался ей идеальным во всем: умный, спортивный, веселый. Всегда, то есть, практически всегда, уместно шутил или, при необходимости, был строг. Ценил живое общение с приятными людьми, нечастые посиделки с друзьями в баре или барбекю-вечеринки во дворе, и особенно, что противоречило его коммуникабельности – выезды на природу наедине с Клэр. Джеймс любил укромные места, где нет людей, нет посторонних, нет ни-ко-го, кроме него и Клэр.

Но когда речь заходила о делах, Джеймс менялся, становился собранным и внимательным. Он всегда реализовывал задуманные планы и достигал поставленных целей в срок. Ответственность положительно сказывалась на карьере, которая складывалась как нельзя лучше. На заработанные деньги после повышения в должности они купили отличный коттедж в пригороде. И даже после этой большой

покупки молодая семья никогда не испытывала нехватки денег.

Два года в браке показали Клэр, насколько крепки их отношения. Это совместно прожитое время окончательно убедило ее в преданности Джеймса, но в их идеальной семейной жизни не хватало главного – ребенка. Ей очень хотелось родить. Пол малыша был неважен, главное, чтобы это было родное, здоровое дитя. Иногда это желание становилось таким всеобъемлющим, что вело к навязчивым мыслям на грани с паранойей о будущих родах, воспитании, уходе и, наконец, взрослении будущего сына или дочери. Когда Клэр с головой уходила в свою мечту, ей порой приходилось одергивать себя, чтобы не давить на Джеймса, но при этом тактично подготавливать его к статусу отца.

Время шло. Джеймс без сомнений согласился завести детей, и они, по заверению Клэр, приняли все необходимые меры для здорового зачатия. Молодая семья полностью перешла на правильное питание, своевременный сон, и даже отказалась от спиртного, что для Джеймса оказалось страшнее всего. Он не был зависим от алкоголя, но при этом никогда не планировал отказываться от него полностью. После напряженного рабочего дня глоток виски помогал ему на время забыть о проблемах и спокойно порассуждать на разные темы, или же попросту заснуть с легким сердцем. По поводу отказа от спиртного у супругов проходили полушутливые дебаты, которые в итоге увенчались победой Джейм-

са, но взамен он должен был забыть о плотских утехах в день употребления. Со скрипом он принял условие, а Клэр вовсе не злилась на него, понимая, что уступать мужу нужно. В конце концов, Джеймс поддавался ей в других моментах.

В период ожидания беременности пара приобрела участок земли вдали от города. Однажды, еще до начала стройки, Клэр посетила это место. Купленная земля была в паре часов езды от их дома. Довольно далеко, но в общем и целом участок ей понравился. Их частное владение располагалось между каньоном и лесом невероятной красоты. Вместе с этим она понимала, что вложение довольно сомнительное, но Джеймсу покупка участка когда-то казалась несбыточной мечтой, чудом, которое воплотилось в жизнь.

– Дорогая, это... это прекрасное место! – говорил Джеймс с таким воодушевлением, что Клэр просто не посмела поделиться своим скептицизмом. Вместо этого она улыбалась и молча радовалась детскому восторгу супруга. – Ты посмотри, какой вид! Вот здесь, прямо здесь я построю дом. Вид из окон будет как в сказке. С одной стороны – на каньон. – Джеймс энергично вырисовывал жестами план. – А из противоположного окна – на лес. Это будет просто охренительный дом для нас двоих...

– Для троих, – поправила Клэр, после чего продолжила: – а возможно, и для четверых, если будет двойня.

– Ты права. Это будет гнездышко только для нашей семьи, где мы будем проводить все свободное время.

– Надеюсь, не прямо все?

– Дорогая, я понимаю, что тебе здесь может быть скучно, но поверь: я найду, чем нас развлечь.

– Например?

– Например, я сделаю ровную площадку и поставлю теннисный стол, а вон там будет стоять беседка и барбекю. Здесь сарай, но это для меня, а вот здесь – небольшой огород. Возможно, я даже устрою кинотеатр на свежем воздухе.

– А как же дикие животные? Неохота быть съеденной за просмотром фильма ужасов!

– Черт... Об этом я не подумал. – На мгновение он задумался, а потом выдал: – Заведем собаку! А? Как тебе? Будет нас охранять, пока мы наслаждаемся отдыхом.

– Собака не спасет нас от... – Она постаралась вспомнить самого опасного хищника, обитающего в лесах. – От медведя.

– Сомневаюсь, что они здесь есть.

– Так ты не узнавал даже о живущих в лесу диких животных? – В этот раз Клэр не смогла скрыть легкого возмущения.

– Я куплю оружие, и оно будет пылиться в сейфе на случай чего. А стрелять я умею, ты это знаешь.

– Это понятно, но... Как-то все небезопасно, что ли, – Клэр было тревожно в этом месте, и одновременно она боялась огорчить мужа, но, несмотря на это, девушка продолжила: – А как же вода, электричество?

– Я позабочусь и об этом.

– И как?

– Приобрести генератор – не проблема, питьевую воду можно купить, а для бытовых нужд я уже спроектировал схему сбора дождевой воды. Если захотим побыть здесь зимой, можно взять напрокат снегоборщик.

– Господи, и сколько для этого всего нужно денег?

– Много, но я обещаю, что это не скажется на...

– Дорогой, – прервала Клэр, – я не против, что ты купил эту землю и собираешься построить дом. Но пообещай, что ты не будешь уделять этому месту все свое время.

– Клэр, ты же знаешь, что всегда будешь на первом месте.

Никто и ничто не заставит меня думать иначе!

Она улыбнулась:

– Это я и хотела услышать...

Строительство дома вдали от цивилизации шло ударными темпами. О заселении пока речи не шло, но глаз хозяина радовался каждый раз, когда он видел процесс, приезжая с очередной партией строительных материалов. Клэр же больше там не появлялась. Она прекрасно понимала, что супруг хочет удивить ее конечным результатом, и поэтому даже не пыталась подглядеть за ходом работ. Порой Клэр думала, что эта стройка когда-нибудь надоест Джеймсу, но он не переставал вкладывать в нее силы, время и деньги. Впрочем, гораздо чаще мысли девушки уходили не в сторону спорных

финансовых вложений, а в сторону проблем с зачатием. В выходные дни Джеймс ездил в новый дом, проверял работу нанятых строителей и при этом сам помогал с тем, что ему было по силам. В эти часы одиночества Клэр посещали тягостные раздумья. Около года они пытались завести ребенка, но до беременности так и не дошло. Если это не особо волновало ее в первые месяцы, то по истечении года стало выводить из равновесия. Она подходила к зеркалу и, пока никого нет дома, разговаривала с отражением:

– Господи, – тихо произнесла Клэр, понимая, что диалог с собой не совсем нормален, – ну почему ты не даешь нам ребенка? Знаю, что глупо к тебе обращаться без веры, но в последнее время мне не на что уповать. Ты единственный, кто может помочь нам...

Клэр скрывала от Джеймса свое лечение от овуляторной дисфункции не из-за того, что это очень сложное заболевание, а потому что попросту не хотела беспокоить мужа. Зачем Джеймсу знать о решаемых проблемах, пускай даже связанных со здоровьем? Это лишь побудит его к излишней опеке, а этого ей совсем не хотелось.

Клэр продолжала смотреть в зеркало, представляя себя с округлым животом.

– Рано или поздно я все равно забеременею, – улыбнувшись, сказала она.

Спустя два месяца, пройдя очередную проверку, Клэр окончательно убедилась, что здорова, разве что психоло-

гическое состояние несколько пошатнулось от длительного стресса. Тем не менее доктор выразил уверенность в ее способности к зачатию. Все было хорошо. Вот только она по-прежнему не могла забеременеть. Подруга, с которой Клэр все же делилась своими проблемами, посоветовала проверить Джеймса. Она и сама шла к этому разговору с мужем, но собеседница дала нужный толчок.

Вскоре Клэр сделала тест на беременность и с ним же встретила Джеймса с работы. Они поговорили, и Клэр убедила супруга сделать полный перечень анализов. Возможно, она и была излишне строга, но он согласился, и это самое важное.

Когда Клэр пришла в клинику за результатами обследований Джеймса, медсестра сообщила, что ее ожидает доктор.

Она зашла в кабинет.

– Добрый день, миссис Палмер! Присядьте, пожалуйста.

Клэр волновалась, ведь если все было хорошо, ей так бы сразу и сказали, вручив результаты на руки. Но прежде чем отдать бумаги, доктор решил с ней поговорить.

– У вас какая-то странная интонация, – поделилась подозрением Клэр.

– Тяжелый день... – Доктор неестественно улыбнулся. – Не обращайтесь внимания. И да, ничего смертельного в анализах вашего мужа мы не нашли, но все же нам необходимо кое-что обсудить.

– Хорошо. – Клэр чувствовала неладное, оттого в ее голо-

се сквозило беспокойство.

Она присела в кресло напротив. Мужчина в этот момент рылся в бумагах, искал нужную папку. Найдя необходимые документы, он обратился к ней.

– Мы с вами, – начал доктор, – долгое время знакомы, и вы не один год ходите к нам в клинику, что лично для меня означает, что вы доверяете нашим специалистам...

– Ну да, – медленно и с осторожностью подтвердила она. – Ваша клиника на хорошем счету.

– Как пациент и доктор мы прошли через многое, как бы это странно ни звучало. Вы у нас лечились от...

– Можно ближе к сути? – прервала Клэр.

– Да, конечно, но я все же закончу свою мысль. И я в курсе, как вы относитесь к беременности, как хотите завести ребенка и что вы делаете все возможное для этого.

Девушка понимала, что доктор готовит ее к чему-то плохому. Клэр попыталась унять нервную дрожь. Мужчина продолжил:

– Но мир не идеален, как и живущие в нем люди.

– Доктор Хемслит, хватит!

Он посмотрел пациентке в глаза. Пауза затянулась. Доктору необходимо было говорить правду, пусть он и хотел бы этого избежать. Наконец мужчина произнес:

– Ваш муж не может иметь детей.

Клэр закрыла глаза, а затем подняла голову. Ее сердце забилось чаще. В попытке проглотить нахлынувшие эмоции

Клэр зажмурилась еще сильнее, отчего на гладком лице проявились морщины. Девушка не могла поверить в услышанное.

Доктор продолжил:

– Видимо, в юности или, что вероятнее, в детстве он переболел сложной формой паротита. Эту болезнь еще называют свинкой. И, если коротко, то бесплодие развивается у небольшого процента переболевших. К несчастью, в этот процент с необратимыми последствиями попал ваш муж.

Клэр снова посмотрела на доктора. По ее щекам потекли слезы, но выражение лица не выдавало внутренней истерики. Она постаралась заговорить спокойным голосом:

– Почему? Почему вы считаете, что он перенес эту болезнь в детстве?

– Лично с Джеймсом я практически не общался, но, по вашим же словам, он хороший человек.

– Это так. – Она закрыла лицо ладонями, а через мгновение заплакала в голос. – К чему... – Она запнулась, после чего вытерла слезы и, опустив руки, попыталась спросить еще раз: – К чему вы клоните?

– Если ваш муж действительно хороший человек, он бы сказал вам, что бесплоден... – Доктор говорил с паузами. Ему было тяжело смотреть на слезы пациентки. – Но, по-видимому, он не знает о своей болезни или попросту не помнит тот ранний период жизни.

– Какая сейчас разница? Или вы защищаете его? Это что,

мужская солидарность?

– Я хочу сказать, миссис Палмер, что Джеймс не виноват в своем бесплодии. Думаю, он будет удивлен не меньше вашего.

– Удивлен?! Это разрушит нашу семью! – повысив тон, сказала Клэр.

– Не обязательно. Вы можете взять ребенка из приюта...

– Нет! Я хочу своего ребенка, хочу воспитывать свою кровь. Я... Я понимаю, что дети не виноваты в том, что их бросили родители, но я не могу, не могу воспитывать чужого ребенка.

– Клэр, – обратился он с сожалением, – мне действительно хочется помочь вашей семье, но, поверьте, ни один доктор не сможет этого сделать. Единственное, что я могу посоветовать... Возьмите, пожалуйста, эту визитку. Это лучший психолог в городе. Он поможет вам справиться с проблемой.

– Он не поможет, – немного успокоившись, сказала Клэр. – Отдайте мне результаты.

– Я могу что-то еще для вас сделать? – спросил доктор, передавая результаты.

– Думаю, нет. До свидания.

Клэр вышла из кабинета. Доктор Хемслит потер лицо ладонями, открыл нижний ящик стола и взглянул на пачку сигарет.

– Черт! – произнес он раздосадовано. – Эта работа меня в гроб сведет.

Мужчина подошел к окну, открыл его, достал сигарету и закурил. В этот день Хемслит прервал двухмесячный период воздержания от пагубной привычки.

Клэр посмотрела на часы. Скоро должен вернуться Джеймс, а она никак не могла унять невроз и остановить льющиеся слезы. Отчаяние сковало ее, сковало мысли. Ни о чем другом, кроме как о бесплодии Джеймса, она не могла думать. Вдруг раздался звук открывающейся двери...

Бракоразводный процесс разрывал сердце Клэр, ведь она по-прежнему любила Джеймса. Любила, но не могла быть с ним. Не могла, потому что считала своим первостепенным долгом воспитание родного ребенка. Именно его она считала символом полноценной и счастливой жизни.

«Я буду счастлива, – собираясь в суд, думала она. – Я заставлю себя быть счастливой. И если для этого придется забыть Джеймса, я забуду. Мы же не подростки, которых сводят с ума гормоны! Мы взрослые люди и контролируем себя. В конце концов, люди живут припеваючи и без любви. Нужно потушить это чувство. Избавиться от привычки к человеку. Я знаю – время лечит, и даже от такой болезни, как любовь... Поскорей бы выздороветь».

Нанятый Клэр юрист осведомил Джеймса о желании честного раздела имущества. И под честностью он подразумевал далеко не равноценный дележ. Услышав это, Джеймс под-

нялся и в присутствии судьи дал понять всем, что устал от этого процесса, устал от всего, что связано с разводом, устал от ссор с бывшей женой, устал от работы, от суда, от бесконечной бюрократической машины, где бумажки важнее чувств. Джеймс сообщил, что не собирается оспаривать решение супруги и согласен на любые условия. Клэр видела его боль и каждый раз опускала глаза, когда Джеймс на нее смотрел. Ей было стыдно. Но она окончательно и бесповоротно решила: их семье пришел конец. Лучше расстаться сейчас, когда они еще молоды, когда есть шанс начать все сначала, и избежать этого чувства, что ты застрял в унылом и неполноценном браке, в котором супруги портят друг другу жизнь. Лучше сейчас испытать боль, чем десятилетиями страдать и терпеть взгляды, полные взаимной ненависти.

Спустя время таблетки и общение с психотерапевтами дали ей возможность дышать полной грудью и жить дальше, несмотря ни на что. Джеймс, насколько она знала, отстроил свой дом вдали от цивилизации и выбирался оттуда лишь по необходимости. Она же поборолa депрессию и даже начала встречаться с мужчинами.

Первые двое, с кем она познакомилась в социальных сетях, при личной встрече обнаружили свои изъяны. Самой ранней пробой свободной жизни стал бывший пауэрлифтер. Он был огромным, улыбчивым и совсем не глупым, как могло показаться с первого взгляда. Но когда Клэр узнала, что

он завязал со спортом из-за тяжелой травмы и из-за этой самой травмы ходит с тростью, она посмотрела на него под другим углом. Для нее было странно встречаться с человеком, которому нет и сорока, а он из-за глупого, по ее мнению, рвения в спорте стал практически инвалидом. Если человек лишает себя драгоценного здоровья, поднимая тяжести, то чего от него ждать при создании семьи? Явно не благоразумия.

Второй оказался начинающим бизнесменом. Немного разгильдяй, что нравилось Клэр, и при этом, с его же слов, подающий надежды предприниматель. Увлечшись простым и легким общением с Клэр, он проговорился, что заложил жилье и вбухал все сбережения в свой стартап. Клэр отнеслась к этому признанию с настороженностью, а после выпитой бутылки вина оказалось, что также он заложил дом родителей, потерял его и теперь они живут у него. Клэр тут же протрезвела и вежливо оборвала связь с этим «бизнесменом». Больше они не виделись.

Третий же «обольститель женских сердец» произвел действительно хорошее впечатление. События развивались по стандарту: знакомство в социальных сетях, переписка, звонки, поход в ресторан, где обычно все и заканчивалось, но только не в этот раз. Отсутствие претенциозности благоприятно повлияло на мнение Клэр о нем.

«Возможно, с ним что-то получится», – думала она, когда тот в очередной раз игриво шутил, чем немного напомнил

Джеймса.

Общаясь, Клэр все больше и больше убеждалась, что этот молодой человек эрудирован и остроумен. Еще он был в хорошей физической форме несмотря на то, что делал успешную карьеру в IT-компании. Казалось, что это не вяжется с его спортивной внешностью, хотя очки обычно и выдают человека, подолгу сидящего за компьютером, или, по крайней мере, ассоциируются с достойным интеллектом.

После ужина Клэр была не против, чтобы он проводил ее до дома.

Вскоре они добрались до ее коттеджа, и, стоя напротив мужчины, она сказала ту самую фразу из ненавистных мелодрам:

– Если хочешь, можешь зайти на чашечку кофе.

– Заманчивое предложение, но прежде я должен признаться кое в чем...

«Ну вот, – подумала Клэр. – Опять какой-то жирный минус».

Про себя она начала гадать, что может быть не так с этим человеком.

«Неужели он сейчас скажет, что женат, или у него проблемы с потенцией, или он нетрадиционных взглядов и пришел на свидание, чтобы окончательно убедиться в своей ориентации?»

Она тут же попыталась вспомнить, как долго у нее не было секса. Три месяца? Четыре? Или же полгода? Клэр перестала

считать еще до возобновления своих попыток найти партнера. И сейчас она понимала, что если этот окажется очередным неудачником, то она выпепит какого-нибудь бездомного и переспит с ним, чтобы уже наконец почувствовать себя женщиной.

После интригующей паузы парень продолжил:

– Я, – он наигранно запинаясь, – я жутко боюсь... потерять невинность.

У Клэр расширились глаза. Она уже хотела послать его ко всем чертям, как вдруг парень улыбнулся.

– Говорят, – произнес он тут же, – когда айтишник переспит с девушкой, он теряет все знания. Прямо как Самсон, только у нас это связано с мозгами.

По выражению лица парня было видно, что он кое-как сдерживает смех. Через мгновение он все же засмеялся в голос.

– Прости, – сказал он, – это не должно было прозвучать так глупо.

Клэр выдохнула, а через мгновение и вовсе смягчилась.

– Не переживай, – с легкой издевкой сказала она, – в эту ночь ты точно не лишишься мозгов.

– Абсолютно справедливо, – ухмыльнулся он. – Обещаю больше так не шутить.

– Ты был на грани.

– Как ни странно, я почувствовал это и хочу заметить, что ты...

– Заткнись уже, – прервала Клэр, – и пошли пить кофе.

Клэр пообещала себе не заниматься любовью на первом свидании. Она не хотела секса в первый день знакомства по очевидной причине – ведь это неправильно, это не украшает ее моральный облик, но тело было другого мнения. Оно давно не ощущало нежных прикосновений, сладких поцелуев и просто крепкого мужчины рядом. Клэр сдалась, подчинилась природе в убыток здравому смыслу.

Парень подхватил Клэр обеими руками и перенес в комнату, продолжая целовать. Уже на кровати девушка почувствовала, ощутила его желание. Страсть была взаимна. Он целовал ее в губы, потом перешел на шею, затем – на грудь и живот... На секунду пылкий любовник остановился, и через мгновение его губы оказались рядом с ухом Клэр. Нежно прикусив, он отпустил мочку и возбужденно прошептал:

– Я хочу, чтобы ты помочилась на меня.

Клэр широко раскрыла глаза.

– Что? – настороженно спросила она в надежде, что ей просто послышалось.

– Извини, меня немного занесло, – поправился парень. – Я хотел попросить, чтобы ты пописала на меня.

– Чего?!

Девушка резко поднялась с кровати, схватила с рядом стоящей тумбы телефон и истерично воскликнула:

– Ты... – Она сделала паузу. Клэр была в шоке от такого предложения. – Ты хренов извращенец! Убирайся из моего

дома, пока я не вызвала полицию!

– Клэр, я... Я думал, что ты отнесешься нормально к моей просьбе.

– Какой, на хрен, просьбе? Секс есть секс, его не надо совмещать с мочеиспусканием! А теперь убирайся вон!

– Хорошо, хорошо, успокойся. Не нужно вызывать полицию. Я уйду.

– Чтобы я больше тебя не видела! Ты понял?!

Парень искал вещи и надевал их на ходу. Вскоре он покинул дом Клэр.

– Господи, – смотрясь в зеркало над умывальником, проговорила она. – Почему я такая «везучая»?

Она промотала все произошедшее в голове, и ей захотелось расплакаться. Глаза заблестели от подступающих слез, а на лице появилась улыбка.

– Жизнь, сука, – она одновременно смеялась над сегодняшним приключением и плакала, удивляясь, что не может встретить нормального мужика, – это дебильная комедия...

Однажды в голове одинокой Клэр завертелась идея завести домашнего питомца. Кого именно, вопрос не стоял, так как ответ был однозначен: ей нужна собака. Но какой породы? Над этим Клэр размышляла бесконечно. И пока она выбирала между несколькими вариантами за просмотром шоу с собаками по телевизору и поеданием мороженого, в окно среди белого дня залетел кирпич. Шум осыпающегося стек-

ла сильно испугал ее. Клэр поставила вазочку на журнальный стол, забежала на кухню, схватила нож и направилась к разбитому окну. Медленно приближаясь к развевающимся на ветру шторам, она пыталась разглядеть людей на улице, но там уже никого не было. Вредитель скрылся.

«На ночь такое нельзя оставлять», – подумала Клэр.

Она тут же набрала номер ремонтной службы:

– Здравствуйте! Мне только что разбили окно, и я хотела бы вызвать ремонтников.

– Милочка, – ответила дама солидного возраста, – сегодня это невозможно, могу записать вас на... послезавтра.

– Я не могу ночевать с разбитым окном.

– Ничего не могу поделать: в городе какой-то ажиотаж на подобные услуги.

– Вы хотите сказать, в городе действует банда хулиганов?

– Ну, – протянула женщина, – я бы прямо так не сказала. Скорее, у несостоятельных граждан какое-то обострение. Они не только разбивают окна и витрины, но порой даже грабят.

– Днем?

– Да, и такое случалось. Не хочу никого пугать, но, видимо, ночью будет хуже.

– И что мне, по-вашему, делать тогда?

– Понятия не имею. В центре люди готовы заплатить тройную цену за ремонт окон и дверей. Да что я вам рассказываю? Включите новостные каналы, там только об этом и тру-

бят.

– Я редко смотрю их, но, думаю, теперь начну... Как я понимаю, обращаться в другие фирмы нет смысла?

– Думаю, да. Советую позвать кого-нибудь на помощь. Соседи или родственники есть у каждого.

– Хорошо. Я прислушаюсь к вам. До свидания.

– Береги себя, милочка.

Клэр взяла пульт от телевизора и быстро пересмотрела все местные, а затем и государственные информационные каналы. На всех говорили примерно одно и то же: страну охватил какой-то поток враждебности. Люди и до этого вели себя не лучшим образом, а сейчас положение усугубилось. Преступники грабили, избивали, вламывались в дома, на нескольких каналах показывали погони полицейских за правонарушителями.

– Что за безумие? – пробормотала Клэр и тотчас вспомнила об окне.

Спустя несколько минут она постучала в дверь соседей. Открыл недовольный старик.

– Чего тебе, Клэр?

– Извините, что побеспокоила. Не могли бы вы мне помочь?

– Нет, – мгновенно ответил тот.

– Подождите. – Она остановила закрывающуюся дверь и быстро продолжила: – Мне очень нужна ваша помощь. Мое окно разбили.

– И что? Я тут при чем?

– Не могли вы бы мне помочь заделать его?

Он фыркнул.

– А как же твой парень? Как его там?

– Джеймс?

– Он что, б-безрукий, что ли?

– Мы с ним развелись, – настороженно ответила Клэр, – и довольно давно. Вы разве не помните?

– А, ты была замужем? Я думал, вы просто вместе жили.

– Вы были на нашей свадьбе.

– Чего?

– Я говорю, вы были...

– Послушай, хватит пудрить мне мозги! Я тебя не послал лишь потому... – мужчина задумался. – Кстати, а почему я тебя не послал?

– Мистер Дэмьян, прошу вас, помогите мне. Я заплачу вам.

– Заплатишь?

– Да.

– А что нужно сделать?

– Я же говорю: мне разбили окно. И я знаю, точнее, видела, как вы делали ремонт своего дома. И у вас получилось шикарно. – Он горделиво покачал головой. – Поэтому вам не составит труда помочь мне с окном.

– Ну ладно, Клэр. Я сейчас. Т-только своей бабке скажу, что ушел.

– Хорошо, я подожду здесь.

Вскоре они сделали замеры, съездили в магазин и купили нужную застекленную раму, благо габариты окна оказались стандартными. По приезде оба принялись за работу.

– Никогда не замечал, – заговорил сосед о своей жене в процессе установке окна, – что Дэбра заикается... Ты случайно не помнишь, она заикалась?

– Мы общались с вашей супругой много раз, и я не замечала за ней такого.

– Странно все это как-то.

– Это точно.

– А ты, К-Клэр, видела новости?

Девушка посмотрела на соседа. Он не придавал значения тому, что и сам заикается, а возможно, и вовсе этого не замечал.

– Да, конечно.

– Видела, какая жесть творится? – спросил он. – Как люди озверели. Это все из-за игр ваших, фильмов и бесстыдства.

– Возможно.

– Вот недавно был в магазине, – разговорился старик, – так мне там так нагрубили, что я в жизни туда б-больше не пойду... А дядю Сэма помнишь?

Девушка задумалась.

– Нет.

– Как нет? Это ж наш сосед через два дома.

Клэр подумала еще и через мгновение вспомнила... Как

она могла забыть его?

– А-а-а, Сэм Рэйми, он держит свой магазин по ремонту бытовой техники.

– Вот. А говоришь, что не помнишь! Так вот, зарезали вчера.

– Что?

– Не смог отремонтировать пылесос, а клиент психованный оказался. В общем, п-п-пырнул его...

Клэр в очередной раз обратила внимание на запинку, но не стала об этом говорить. Сейчас главное – установить окно и завтра же сходить в приют для животных. Взять там собаку для охраны или хотя бы чтобы она предупреждала лаем в случае опасности.

– Полиция нашла убийцу? – поинтересовалась она, продолжив разговор.

– Даже не знаю, но с тех пор держу ружье у двери: вдруг он или кто-нибудь еще из неадекватных объявится.

– И, зная это, вы хотели мне отказать в помощи?

– Знаешь, мир изменился, сейчас к-каждый сам за себя...

Вскоре они закончили ремонт. Клэр поблагодарила и хотела уже распрощаться, но мужчина ее остановил.

– А как же деньги?

– Точно, совсем забыла. А вы, как я посмотрю, о них помните.

– О них я забуду в последнюю очередь.

Ночь, вопреки ожиданиям, выдалась спокойной.

Наутро Клэр отправилась в приют. По прибытии ее встретила женщина, единственный смотритель небольшого здания для брошенных животных. Она стояла у стойки продавца кормов и аксессуаров и перебирала документацию.

– Добрый день! – поприветствовала Клэр. – Мне бы хотелось взять собаку.

– Какая порода вас интересует?

– Я пока не определилась.

Смотритель улыбнулась.

– Тогда можете пройти в вольер и присмотреть будущего питомца.

– Разве можно туда заходить без сопровождения?

– Вольер с собаками небольшой, и не волнуйтесь: там не опасно. Все животные в клетках.

– А у вас есть еще кто-то, кроме собак? – полюбопытствовала Клэр.

– Конечно. Есть вольер с кошками, а есть со всеми остальными. Там содержатся еноты, грызуны, птицы... У нас есть даже одомашненная свинья!

– Вот это да!

– Я тоже удивилась, когда ее привели. – После паузы смотрительница продолжила: – Вольер с собаками справа, на входе есть табличка. Как выберете, сообщите.

– Ясно. – Клэр указала пальцем на дверь: – Мне сюда?

– Да-да, проходите.

Клэр вошла в нужное помещение. Площадь была небольшой, а клеток и вовсе оказалось меньше полусотни. Девушка медленно пошла вдоль, бросая умиленные взгляды на животных. Она любила собак, но мысль, что нужно вставать рано утром, чтобы выгуливать их, а после этого ухаживать и дрессировать, до сегодняшнего дня отпугивала ее.

Прогуливаясь по вольеру, Клэр обратила внимание на тишину. Животные вели себя на удивление тихо, и такое безмолвие казалось странным. Также девушка отметила, что как такового неприятного запаха в помещении не было. Вентиляция спасала от катастрофического для Клэр зловония. В конце коридора из клеток виднелась дверь во двор, видимо, ее периодически открывали для выгула питомцев. Собаки сидели смирно. Большинство четвероногих смотрели на проходившую мимо Клэр. Кто-то из них склонил голову набок, проявляя интерес к человеку, кто-то продолжал лежать, будто ничего не происходит.

Клэр прошла мимо всех клеток, так и не определившись. Она развернулась на сто восемьдесят градусов и замерла, думая над тем, кого все же выбрать.

Вдруг раздался однократный лай, заставивший ее очнуться от размышлений. Она приняла приглашение и направилась на звук. Подойдя вплотную к клетке, Клэр заговорила:

– Это ты меня звала?

Лабрадор оценивающе смотрел на человека, а через несколько секунд поднялся и отошел в сторону, показывая

своего щенка.

– У тебя детеныш! – растроганно произнесла девушка, а через мгновение с долей грусти добавила: – Но я не могу взять вас обоих.

Клэр почувствовала присутствие кого-то за спиной и обернулась. Чувство оказалось ложным, но она заметила, как собаки продолжали смотреть прямо на нее, не отрывая взглядов. Она вновь повернулась к маленькому семейству лабрадоров. Мамаша носом подталкивала своего щенка ближе к двери клетки.

– Очуметь... – медленно произнесла Клэр, поняв желание собаки.

Вскоре девушка позвала смотрительницу и указала на клетку.

– Вот. Я хочу забрать этого щенка.

– Это хорошая идея: щенков гораздо проще приучать, наладить контакт, дрессировать, но, боюсь, их пока нельзя разлучать.

– Почему? Он же уже окреп.

– Согласна, но дело не в этом. Мамаша не отдаст щенка. Когда мы хотели их разделить, она огрызалась, берегла его, как зеницу ока.

Клэр посмотрела на лабрадора. Самка сидела в клетке, будто подслушивая.

– Я думаю, – не отрывая взгляда от собаки, сказала Клэр, – она будет не против, если щенок попадет в добрые руки.

Женщина скептически посмотрела на Клэр и, глубоко вздохнув, открыла клетку. Смотрительница хотела доказать свою правоту, что собака не отпустит щенка без боя. Приказным тоном она обратилась к ней:

– Ванда, сидеть!

Однако животное не сдвинулось с места, а щенок направился к выходу. Клэр услышала, как мамаша-лабрадор еле слышно заскулила, провожая взглядом своего детеныша. Он вышел, а смотрительница закрыла клетку.

– Странно, – произнесла она. – Обычно собаки по-другому реагируют, когда у них забирают щенков.

Клэр подняла его на руки и на ухо произнесла:

– Знаешь, как я тебя назову? Джем. – Девушка перешла на шепот: – Только не говори об этом Джеймсу.

Еще до свадьбы с Джеймсом Клэр в шутку называла его Джемом. Прозвище было созвучно именем и оттого постоянно вертелось на языке. Джеймса раздражало это слово, что еще больше забавляло Клэр. Однажды она машинально так назвала мужа перед его начальством и только после того, как Джеймс хмуро на нее посмотрел, поняла, что обратилась к нему не по имени. И хоть руководителей это позабавило, муж после этого случая серьезно потребовал больше так его не называть. Никогда. Эта привычка вышла за пределы их личного общения и заставляла Джеймса чувствовать себя неловко на пути к должности главы отдела.

Через мгновение Клэр перевела взгляд на смотрительни-

цу.

– Сколько я вам должна?

– Брать деньги за то, что вы взяли под опеку домашнее животное? За это должны доплачивать мы, но никак не добрые люди, которым приглянулся наш питомец! – Женщина обратилась к щенку: – Прощай, Джем, и веди себя хорошо!

Клэр привезла щенка домой, опустила его на пол и, иронизируя над своим решением взять малыша, произнесла:

– И как ты будешь защищать меня от бандитов?

Джем обнюхивал каждый предмет на пути.

– Надеюсь, ты быстро подрастешь, – со вздохом произнесла она.

Спустя три недели в доме Клэр раздался телефонный звонок. Она подняла трубку и тут же услышала родной голос.

– Доченька, – дыхание Глории сбивалось, – доченька, тебе нужно срочно приехать. Тетя Ванесса сильно заболела. Нужна... – женщина сглотнула. – Нужна твоя п-помощь.

– Мама, успокойся и скажи, что случилось.

– У нас к-какая-то болезнь. Какой-то вирус.

– Я слышала об этой заразе по телевизору. У вас там совсем все плохо?

– Очень, дорогая. Мне нужна твоя помощь, – повторила она.

– Я смогу прилететь только через два дня. Это в лучшем случае. Нужно отпроситься с работы, купить билет. Вряд ли

есть рейс на завтра, но я посмотрю. Ты сможешь продержаться?

– А куда мне деваться?

– Неужели тебя некому подменить хотя бы на время?

– Ее сын сейчас в другой стране. Там какие-то проблемы с авиасообщением. А муж у нее давно погиб. Ты же знаешь...

– Да, я помню. Видимо, в вашем штате все серьезней, чем у нас. Мне нужно прививаться или брать с собой какие-то лекарства?

– Вроде нет. Говорят, это вирус, как правило, передается от человека к человеку, но люди с сильным иммунитетом не заражаются. Поэтому прилетай, а твоя сестра прибудет позже. У родителей ее мужа тоже какие-то проблемы со здоровьем. Ванесса говорила, что хочет попроситься с вами. Думаю, – по голосу было слышно, что женщина вот-вот расплачется, – думаю, она умирает.

– Господи... А что говорят в больнице?

– В больнице нет мест. Нас даже толком принять не успели! Там какая-то неразбериха. Попросили остаться, но я не хочу, чтобы моя родная сестра спала в коридоре. Лучше пусть она будет дома.

– Мам, что с тобой?

– О чем ты детка?

– Ты заикаешься.

– Наверное, что-то со связью.

– Да нет же, связь отличная.

– Клэр! – чуть ли не выкрикнула женщина. – Прилетай, ты нам нужна! У меня сестра умирает, тут невольно начнешь заикаться.

– Хорошо, я куплю билет на ближайший рейс и прилечу.

– Ждем тебя, дорогая.

Клэр положила трубку. Щенок в это время игрался, подкидывая в воздух купленный специально для него мяч.

– Ну и что мне с тобой теперь делать, Джем? – задалась она вопросом. Потом остановилась и неспешно повторила: – Джем... Точно! Нужно позвонить Джеймсу. Надеюсь, он согласится побыть с тобой. Только бы о твоей кличке не проболтаться...

Все проблемы Клэр, в том числе и недавняя поломка унитаза, померкли рядом с бедой ближайших родственников. В этот день после звонка матери она окончательно забросила попытки дозвониться до сантехника.

Она договорилась с Джеймсом и, дождавшись его приезда, дала исчерпывающие инструкции. Вскоре Клэр села в такси и уехала в аэропорт.

На регистрации образовалась очередь из-за не совсем адекватного пассажира. Клэр сумела расслышать разговор дебошира и сотрудника аэропорта. Они громко обсуждали, что можно пронести на борт, а что нельзя. Судя по всему, причиной конфликта стал алкоголь.

Были и другие спорщики. Рядом мужчина разговаривал с

совсем юным регистратором:

– Я тебе сказал, что это не мой багаж!

– Сэр, но прямо на нем указана ваша фамилия.

– И что? Вы могли написать мою фамилию на любой сумке.

– Для чего нам это делать?

– Есть у меня знакомый, который работает в аэропорту и лазает в чужие вещи. Наверное, и вам захотелось посмотреть, что там такого интересного внутри, а потом вы перепутали бирки с фамилиями.

– Лично мне не приходится работать с багажом. Я занимаюсь только пассажирами.

– Да плевать мне, кто с кем работает! Вы все заодно!

– Сэр, пройдите к администратору и вывалите ему все дерьмо, что в вас накопилось, а меня прошу не трогать!

– Что? – опешил скандалист.

Позади Клэр по телефону разговаривала женщина:

– Я скоро прилечу, не волнуйся.

Услышав ответ, она смятенно заговорила вновь:

– Как кто? Это же я, твоя дочь... В смысле «не звоните мне»? Пап, ты чего?.. Это Элизабет, твоя дочь... Не вешай трубку, пап!

Женщина убрала от уха телефон и посмотрела на экран. Она была готова заплакать, но изо всех сил старалась не показывать этого.

Неожиданно к Клэр обратился стоящий спереди мужчина:

– Вы тоже это видите?

Незнакомец был в деловом костюме и имел спортивное телосложение. По всей видимости, он был арабом.

– Простите?

– Такое ощущение, что все вокруг сходят с ума.

Клэр мгновение подумала.

– Пожалуй, я соглашусь с вами, – ответила она.

– А вы слышали, что это один из последних рейсов? Через пару дней самолеты перестанут летать.

– Нет... а откуда вы знаете?

– Давайте я лучше расскажу об этом после посадки?

Клэр решила, что мужчина хочет познакомиться с ней поближе.

– Нет. В другой раз. У меня проблемы в том городе, куда мы собираемся. Мне сейчас не до знакомств.

Он улыбнулся так, будто Клэр сказала какую-то несуразицу.

– Хорошо. Я не буду искать повода для беседы с вами.

Спорщик в начале очереди сцепился с охранником аэропорта.

– Но пообещайте, – неожиданно заговорила Клэр с мужчиной, который отвлекся на крики, – если ко мне будут приставать, вы заступитесь за меня.

Он вновь улыбнулся.

– Договорились, – сказал мужчина, после чего продолжил наблюдать за избиением пьяного пассажира. – В начавшейся

драке радуется одно... – продолжил он.

– И что же?

– Очередь пойдет быстрее.

– Это точно, – ухмыльнулась Клэр.

После нескольких часов полета и удачного приземления Клэр спустилась с трапа, забрала свой багаж и направилась к выходу. Внезапно из-за спины раздался знакомый голос:

– Извините!

Клэр обернулась. Это был тот самый араб из очереди.

– Я обещал сказать, почему скоро запретят полеты.

– Я тороплюсь.

– Дело в том, – он будто ее не услышал, – что количество авиакатастроф сильно возросло, и это связывают с новым вирусом, который, между прочим, сильно распространился в этом штате.

«Так вот почему незнакомец не захотел рассказать сразу! – подумала Клэр. – Он попросту не хотел пугать меня. А я, дура, решила, что он хочет познакомиться».

– Вы говорите страшные вещи, – отреагировала Клэр.

– Согласен с вами, но это факт. Мои друзья из правительства сильно обеспокоены этим. Они сообщают, что некоторые опытные пилоты по какой-то причине не могут нормально посадить самолет. Это... это действительно жутко.

– Почему вы мне это говорите?

– Наверное, потому, что вы мне понравились.

– Я польщена, но мне и вправду сейчас не до знакомств.

– Я понимаю. – Он достал визитку. – Послушайте, здесь есть мои контакты. Возьмите! Если вам понадобится помощь, просто звоните. Ну а если вам захочется общения, то я с удовольствием поужинаю с вами.

Она прочитала имя и профессию: Салим Фаез, советник по международным делам.

– Хорошо. Если будут проблемы, я позвоню вам, Салим.

– Могу я узнать ваше имя?

– Меня зовут Клэр.

– Приятно познакомиться, Клэр! Вижу, вы спешите. Не смею больше задерживать. До встречи!

Клэр посмотрела в глаза мужчине.

«А он вправду ничего», – подумала она, но тут же себя одернула. Сейчас важнее семья, нежели ужин с симпатичным арабом.

Из-за пробок Клэр добралась до родных лишь через несколько часов. Она постучала в дверь. Открыла мама.

– Клэр, ты приехала! – Они обнялись. – Я так рада!

– Я тоже, мама. Где тетя Ванесса? Я хочу ее увидеть.

– В гостиной, смотрит телевизор.

Клэр ринулась в комнату, но Глория ее остановила:

– Послушай, она... – Женщина задумалась. – Она немного не в себе.

– А что с ней не так?

– Она... Думаю, у нее деменция. Причем серьезная стадия.

– Мам, ты хочешь сказать, что она не помнит меня? – догадалась Клэр.

– Доченька, она и меня порой не узнает.

Клэр направилась к тете. Та сидела на диване, уставившись пустым, бездумным взглядом в работающий телевизор.

– Тетя Ванесса, – осторожно произнесла Клэр.

Женщина медленно повернула голову в сторону племянницы. Выражение лица осталось тем же, что и при просмотре телевизора. Взгляд не изменился, как и настроение. Ванесса не двигалась несколько секунд, которые показались Клэр необычайно долгими. Через мгновение на ее лице все же появилась невнятная улыбка.

– Холли, – медленно и как-то странно произнесла тетя, – привет! Можешь... – Она остановилась, вспоминая подходящее слово. – Присесть.

Клэр подошла ближе.

– Холли – моя сестра, а я Клэр. Тетя Ванесса, ты помнишь меня? – будто обращаясь к ребенку, проговорила она.

– Клэр? Эта та девочка, которая постоянно дралась с Холли?

– Да, – улыбнулась племянница, – мы часто дрались, а ты нас разнимала и справедливо осуждала.

– Клэр... – Безмятежность тети пугала ее. – Ты так выросла!

– Время идет. А ты, тетя Ванесса, с годами только хорошеешь.

– Клэр, я... – протянула она, после чего медленно продолжила: – Никак не пойму, что там показывают.

Клэр посмотрела на телевизор.

– Это какая-то детская сказка.

– Я ничего не понимаю, но мне... нравится.

Глория помахала рукой, подзывая к себе дочь.

– Я подойду чуть позже, – предупредила племянница Ванессу.

– Клэр, оставь ее в покое. Пускай сидит себе!

– Но я думала, что она хочет поговорить со мной, да и ты об этом говорила.

– Серьезно? А-а, точно, я ж тебе звонила, – вспомнила женщина. – Пошли лучше об этом поболтаем на кухне.

На столе было чем перекусить. Единственное, чего не хватало, по мнению хозяйки, – это сахарница. Глория принялась ее искать.

– Да где же этот чертов сахар? – рыская по полкам кухонного шкафа, нервно спросила женщина.

– Мам, он на столе.

Она обернулась.

– Точно! А я не заметила.

Делая глоток горячего чая, Клэр спросила:

– А Холли приедет одна?

– Нет, она вроде говорила, что прилетит с Оливером. Но

это не точно.

– И как скоро они будут здесь?

– Думаю, через пару дней.

– Надо сказать, чтобы они поторапливались. Рейсы могут отменить, – сказала Клэр.

– Неужели из-за в-вируса? – догадалась Глория.

– Скорее всего, из-за него... Мам, а ты давно стала заикаться?

– Не знаю. Наверное, это из-за нервов. Сестра, мягко говоря, меня не радует. Наверное, из-за нее меня порой так и разбирает какая-то злость, что ли. Иногда охота сорваться на ком-то, обругать, или даже... побить.

– Может, стоит попить успокоительные?

– Да, доченька, ты, – Глория вздохнула, – ты права.

– Мам, а ты можешь рассказать поподробнее, что случилось с тетей Ванессой? Насколько я знаю, у нее всегда было крепкое здоровье. Почему она вообще заболела?

– Ванесса сильно хворала в этом году. Подхватила пневмонию. Врачи сказали, что мы вовремя обратились, иначе были бы осложнения. Т-только вот... – Глория задумалась.

– Они случились, – продолжила девушка.

– Да, детка. В какой-то степени. По телевизору говорили, что вирус опасен только для людей со слабым иммунитетом, а Ванесса как раз перенесла б-болезнь, и организм ослаб. Думаю, это как-то повлияло на ее состояние.

– Надеюсь, все будет хорошо, и она поправится.

– Я тоже на это надеюсь...

За все время пребывания в доме матери Клэр не заметила положительных изменений в состоянии тети Ванессы. Та продолжала сидеть у телевизора, впадая в совсем уж старческую немощь. Глория ее кормила, укладывала спать, водила в туалет, Клэр же во всем помогала матери. За прошедшие несколько дней девушка неоднократно обращала внимание на заикание Глории, но что удивило ее еще больше, так это то, что она сама начала запинаться при разговоре. Такое положение дел заставляло Клэр задуматься. Также она обращала внимание на свою забывчивость: то зайдет в комнату и вдруг забудет, зачем шла, то пойдет в магазин и не купит необходимого, то из ее головы вылетят незначительные детали, которые упоминала мама.

При очередной вылазке в магазин Клэр встречала людей, которые порой пугали ее своим поведением. Среди стариков попадались даже те, кто не мог вести нормальный диалог, словно у них не хватало словарного запаса. Участились драки, грабежи и разбои. Далеко не каждый житель города решался выходить на улицу вечером, не говоря уже о ночных прогулках.

По истечении времени Клэр, как и Глория, начала переживать по поводу приезда Холли. Как-никак, целую неделю от сестры и ее мужа не было новостей. В голову закрадывались страшные мысли об аварии. Мама и дочь пытались до-

звониться до них, но это было практически невозможно, так как сотовая и проводная связь были постоянно перегружены. Дождаться длинных гудков считалось целым событием, но и в таких случаях можно было нарваться на далеко не самое качественное соединение.

Вскоре Холли и ее муж Оливер все-таки приехали. Встреча состоялась позже намеченного, но от этого все были рады видеть друг друга еще больше. Вопросы о причине такого долгого пути не заставили себя ждать. Ответ оказался ожидаемым: самолеты не летают, а на дорогах пробки и контрольно-пропускные пункты, сильно тормозящие поток. Причина была всем знакома: вирус.

В момент обсуждения проблем на дорогах Клэр подумала о доме: она скучала по родному углу, и ей страшно хотелось увидеть Джема. Девушка быстро привыкла к щенку, да и Джеймс вечно ждать не может. Как они там? Дозвониться до бывшего мужа не получалось.

Обсудив с сестрой все, что только можно, Клэр сообщила, что на следующий день собирается домой. На что Холли ответила:

– Побудь еще немного с нами! Мы столько не виделись, а ты уже собралась уезжать.

– Пока я доеду, пройдет еще неделя, ты же сама говорила, что на трассах одни пробки. А о самолетах и речи нет.

– Из-за чего ты так переживаешь? Взрослый мужик сможет присмотреть за домом, к тому же с псом.

– Джем еще щенок!

– Тем более. Они подружатся, Джем наладит контакт с Джеймсом, – Холли в шутку дала понять, что инициативу проявит именно питомец, – и это послужит неплохим таким поводом для воссоединения.

– Нет, – спокойно отреагировала Клэр, – я давно сожгла мосты. И, хоть иногда жалею об этом, я все же не намерена возвращать бывшего. Тем более он и сам не горит желанием... Я это чувствую.

– Хм... Сожгла мосты и спалила мужа. – Холли намекнула, что сестра слишком жестко обошлась с Джеймсом. – Да ты, дорогая моя, поджигатель! Но знаешь, что я тебе скажу? Жизнь непредсказуема и слишком коротка, поэтому постарайся не думать о плохом и, если его действительно не вернуть, не забивай себе этим голову. Не нужно тратить время на попытки возродить чувства.

– О-о, – протянула Клэр, – да ты философом заделалась?

– Немного увлеклась эзотерикой и йогой... Послушай, – родная сестра чувствовала нехватку у Клэр крепкого мужского плеча, – я уверена, что ты встретишь хорошего мужика. Это всего лишь дело случая, и если таковой представится, то ты не должна его упускать.

Клэр улыбнулась:

– Завязывай меня учить! Я так-то прожила на целый год больше тебя и должна сама выступать в роли жизненного ориентира.

– Как скажешь, сестренка.

Они помолчали, и тогда Холли предложила:

– Ну что, пойдём в дом? Оливер, наверное, с ума сходит от скуки. Надо его развлечь.

Клэр по просьбе сестры задержалась ещё на неделю, а после собралась с духом и, попросившись, отправилась домой на взятой напрокат машине. Выезжая из города, она заметила, насколько город погряз в варварстве. Разбитые витрины, покореженные автомобили, взгляды, полные ничем не оправданной ненависти... Она была рада, что покинула это место.

На трассе её ожидал неприятный сюрприз: военные перекрыли дорогу на границе штатов. Машин было немного, и после общения с солдатами гражданские разворачивались и покидали блокпост. Клэр решила пообщаться с военными.

– Мисс, дальше проезд закрыт, – обратился к ней постовой.

– Это я уже поняла. А какова причина?

– Этого мне никто не сообщал, но приказ есть приказ.

– Я понимаю. Но как мне вернуться домой?

– Просто возвращайтесь, откуда приехали. Сейчас, я повторяю, проезд невозможен.

– А когда его откроют?

– Мисс, – более раздражённо обратился солдат, – я не знаю. Прошу вас развернуться. Незачем создавать затор.

Деваться было некуда. Клэр вывернула руль и направилась

ко секунд уже молчит, пытаюсь вспомнить, о чем только что говорила. Клэр перестала задавать маме вопросы о самочувствии, так как ее раздражительность вышла на новый уровень. Игнорировать состояние здоровья было лучшим способом избежать конфликта.

Когда Оливер сел за руль и врезался в столб, Холли запретила ему управлять автомобилем. Он сказал, что перепутал скорости. Тогда жена накинулась на него с обвинениями, что тот купил автомобиль с ручной коробкой передач, хотя разница в цене по сравнению с автоматической была мизерной. Оливер был опытным водителем, и то, что он перепутал скорости, казалось ненормальным. Несмотря на внушительную вмятину, транспорт был на ходу, но от этого было мало толку – возникли проблемы с бензином. Все заправки закрылись, а запас топлива в городе сходил на нет. Оливер на всякий случай объяснил Клэр и Холли, как можно с помощью ручного насоса или обычного шланга сливать бензин из других машин. Вскоре и он начал часто сбиваться, путаться в словах, иногда даже говорил какую-то несвязную ерунду.

Но хуже всех начала вести себя Холли. Сестра Клэр сильно изменилась, постоянно срывалась на Оливера и даже на саму Клэр, вспоминая какие-то детские или подростковые обиды. А когда Холли заметила за собой заикание и поняла, что с ней происходит то же самое, что и с мамой и тетей, она полностью потеряла над собой контроль. Она не могла управлять гневом, понимая, что весь мир вокруг рушится.

Клэр приравнивала происходящее с родной сестрой к помещательству. При этом Холли хорошо понимала, что с ней происходит. Она заболела, и у нее проявились симптомы вируса. В особо сложные моменты Клэр пыталась успокоить ее, но это было невозможно. Истерия Холли выходила за пределы разумного.

Оливер к этому моменту окончательно утратил интерес к чему-либо. Он просто сидел и смотрел фильмы. Тетя Ванесса пропала. Они с мамой ушли прогуляться, а вернулась только Глория со словами, что отвлеклась лишь на минуту, а сестры не оказалось рядом. Через какое-то время уже никто в доме не интересовался судьбой пропавшей тети. Оливер и Глория забыли о ней, будто Ванессы и вовсе не было, а Холли и Клэр предпочитали не упоминать ее: хватало своих проблем. Да и как ей можно было помочь? Сестры не знали ответа на этот вопрос и оттого вскоре прекратили поиски родственницы.

В городе разграбили все продуктовые магазины. Недостаток продовольствия ощущался при каждом приеме пищи. Рацион стал состоять из каш, простых супов и блюд быстрого питания, которые Оливер своровал несколько недель назад – он утащил несколько коробок. Его даже Холли не стала ругать, а Клэр и вовсе была рада такому отчаянному поступку.

Все жители мегаполиса, так же, как и семья Клэр, сильно изменились. Симптомы, которые девушка замечала у родных, проявлялись и у людей вне дома.

В один солнечный день Клэр вошла в комнату и забыла, за чем шла. Такое с ней бывало и ранее, но стало повторяться чаще. Клэр даже спросила нервную Холли, замечала ли та за ней заикание. Сестра ответила что-то невразумительное вроде: «Ты меня специально бесишь!» В последнее время этим их разговоры обычно и заканчивались.

Мама поменялась местами с пропавшей Ванессой. Она, как и тетя, не понимала происходящего на экране. Голова явно была пустой, да и эмоции пропали с лица. Поодаль сидел Оливер, но, в отличие от Глории, он хоть как-то реагировал на телевизор. Холли постоянно где-то пропадала. Ели все поодиночке, лишь Клэр вела маму к столу и кормила ее с ложки.

Вечером Клэр решила записать свои мысли на диктофон, чтобы таким образом оценить состояние собственной речи.

– Кажется, мир и вправду летит в тартарары. Люди на улице ведут себя неестественно. Кто-то агрессивен и суетлив, другие безразличны. Боюсь предположить, что будет, когда у всех закончится запас еды... – Возникла пауза, после чего она со вздохом произнесла: – Нужен какой-то п-план.

Клэр остановила запись, поняв, что повествование оказалось неровным. Не желая представлять печальное будущее, она заставила себя предположить, что заикание – это реакция на постоянный стресс.

Клэр вновь включила запись:

– Вот только что я могу сделать? – спрашивала она у себя.
– Что можно сделать в моей ситуации? Думай, Клэр, думай...

После паузы она медленно прошептала:

– Джеймс. – Это имя пришло в голову само по себе. Она воскликнула, повторяя имя: – Джеймс! Я-я поеду к нему. У него же дом далеко от города. Наверное, он там, вместе, вместе с... – Она попыталась вспомнить кличку пса. – Вместе с Джемом. Н-нужен автомобиль.

Опять, опять она заикнулась! Радость от идеи резко сменилась на печаль. Ведь когда она не контролирует эмоции, заикание учащается. Запись продолжалась:

– Но что я ему скажу?.. Я скажу, – медленно говорила она, – что люблю его и всегда любила. Я д-д-должна это сказать, пока могу.

В глазах помутнело от подступающих слез. Клэр понимала, какое будущее ее ждет. Примером служили тетя Ванесса, мама, Оливер и, что еще хуже, Холли.

«Мне не спастись, – думала она. – Но я обязана сказать, что люблю его».

Она тут же представила беспомощную маму. Как та сможет жить без ее заботы? Но эти мысли тут же прервал другой вопрос: а кто позаботится о ней самой, когда она будет похожа на овощ? Ответ был прост: никто. Рано или поздно они все окажутся в похожей ситуации.

Клэр не спала практически всю ночь, раздумывая о дальнейших действиях. Наутро она принялась собирать прови-

зию, а также занялась поиском топлива для автомобиля. Слив бензин у транспорта на соседней улице, Клэр закинула запасную канистру в багажник, закрыла дверцу, и перед ней неожиданно оказалась Холли.

– Ты куда собралась?

– Нужно проверить кордон. Возможно, военные открыли проезд.

Холли посмотрела в салон и медленно, с ноткой злобы, произнесла:

– С таким запасом?

– Если запрет снят, я п-поеду домой.

– Ты... – она на секунду задумалась, – бросаешь нас? Разве ты не видишь, в каком мы все... – сестра часто забывала слова, и этот разговор не обошелся без пауз, – состоянии? – наконец договорила она.

– Холли, я тоже больна, и мне...

– Тем более, – прервала сестра, – ты должна остаться: семья должна быть вместе.

– Скоро мы будем т-т-такими, как тетя Ванесса. Ты помнишь ее? – Холли не стала отвечать, и тогда Клэр продолжила: – Скоро мы все забудем свое «я», перестанем быть разумными, в итоге разбежимся и п-потеряемся. От того, что я уеду, ничего не изменится. Рано или поздно мы в-все спятим.

– Ты бросаешь нас, – с гневом повторила Холли.

– Перед смертью я хочу побывать дома. Я жутко соскучи-

лась по родным м-местам и по... по...

– И по Джеймсу, – прервала Холли. – Я не забыла его имя.

– Да, – подтвердила Клэр догадку сестры.

– Ты бросаешь нас, – в третий раз повторила она и тут же продолжила: – Ради какого-то мужика?

– Знаешь, Холли, тогда, по приезде, ты была п-права: ты правильно почувствовала, что я нуждаюсь в нем, – призналась Клэр.

– Я тебя никуда не отпущу.

– А я и не спрашиваю у тебя разрешения.

Ситуация накалялась. Холли озлобилась и проявляла чрезмерную агрессию.

– Это моя машина, и я тебе запрещаю... брать ее.

– Холли, ты сильно изменилась. Разве ты этого не видишь?

– Да мне плевать, дорогая Клэр! – язвительно выпалила Холли. – Я просто... не... перевариваю предателей.

– Что? Что за чушь ты несешь?

– Бросить родную семью ради мужика – это... предательство!

– Я никого не бросаю. П-просто я понимаю, что мы в любом случае обречены. И перед полным з-забвением я хочу...

– Она запнулась. – Я просто хочу вернуться домой.

– Обречены? – Сестра улыбнулась, не признавая очевидное. – Какая же ты все-таки мразь!

Холли развернулась и быстрым шагом направилась в дом.

Клэр последовала за ней со словами:

– Что ты хочешь сделать?

Холли обратилась к Оливеру:

– Олли, Клэр хочет нас бросить!

Он медленно повернул голову и без выражения произнес:

– Ну и что?

Глория сидела рядом и никак не реагировала: она равнодушно смотрела в телевизор.

– Как? Ты что, не понимаешь, чертов ты ублюдок, что она нас предает?

Он подумал или, скорее, постарался подумать, но в голове не проскользнуло ни одной мысли.

– Нет, – коротко ответил Оливер.

Холли, содрогаясь от ярости, зарычала, а затем, поняв, что от мужа поддержки не добьется, ушла в другую комнату.

Клэр покачала головой, в очередной раз ощущая разочарование от того, во что превратилась сестра. Она не стала ее преследовать и села рядом с мамой, положив голову ей на плечо.

Вечером после длительных поисков ключей от автомобиля Клэр увидела Холли во дворе и обратилась к ней:

– Где ключи, Холли?

– Это не твоя машина.

– Ты не умеешь водить, а Оливеру сама запретила садиться за руль. Вы не сможете в-воспользоваться ею.

– А вдруг, вдруг все пройдет?

– Тогда я верну т-тебе автомобиль и даже оплачу ремонт!

– Ремонт? Так ты уже успела ее поломать?

– Оливер врезался в столб! Из-за этого ты и запретила ему садиться за руль.

– Я запретила садиться, потому что он гребаный осел!

– Холли, ты должна отдать мне ключи.

– Найди другую машину.

– Они все без топлива.

– Тогда заправь.

– И что дальше? Где я возьму ключи? Или ты думаешь, я умею з-заводить машину пальцем? Холли, мне нужны эти чертовы ключи!

– Я... я не хочу, чтобы ты уходила.

– Но я должна.

– Ты же видишь, как всем нам плохо! Оливер уже потерял, а о маме я и не говорю. Только мы с тобой еще хоть что-то понимаем. И я... я чувствую, что мне становится хуже. Мне тяжело говорить. Перед тем, как произнести что-то, я делаю невероятные усилия, а ты хочешь, чтобы я и это перестала делать. Тогда мне точно конец... Возьми меня с собой, – неожиданно предложила сестра.

– Холли я... я не могу.

– Тогда, – интонация сестры, как и лицо, снова ожесточилась, – ты ни хрена не получишь!

Клэр пришлось искать ключи от автомобиля по всему дому во второй раз. Она перерыла кухню, все комнаты, гости-

ную, книги, весь участок, но их нигде не было.

Прошло еще три недели, и Клэр окончательно потеряла надежду. Холли становилась все мрачнее и злее. Клэр перестала с ней разговаривать: она была зла на сестру. Включив в очередной раз диктофон и записав свой монолог, Клэр убедилась в деградации своей речи. Заикание усилилось, а разговаривать было особо не с кем.

Клэр вышла во двор и увидела сестру. Холли заметила ее и сразу поняла, что Клэр не в духе

– Сестренка, я в-вижу, что ты злишься. В чем д-дело? Неужели я в чем-то п-п-провинилась?

Клэр поняла, что Холли забыла про многочисленные ссоры.

– Нет, дорогая, я злюсь из-за того, что не могу найти ключи от машины. Ты их случайно не видела?

– Не п-помню. Но, если хочешь, я помогу тебе их найти.

– Помощь мне бы не помешала.

Девушки потратили весь день на поиски, но те ни к чему не привели.

Наслаждаясь видом на участок за домом, сестры сидели и молчали. Каждая думала о чем-то своем. Клэр радовалась примирению с Холли и, повернувшись к ней, обратила внимание на украшение.

– Классная цепочка, Холли! Тебе ее п-подарил Оливер?

Сестра прикоснулась к золотой нити.

– Д-д-даже не знаю. Наверное, он.

Она достала украшение из-под майки, и вместо подвески на цепочке оказались ключи. У Клэр расширились глаза. Холли медленно произнесла:

– Кажется, мы что-то искали?

– Да, – с трепетом протянула Клэр. – Мы искали их. Ты можешь отдать мне ключи?

– Конечно, – Холли принялась отстегивать их, но вскоре остановилась. – А зачем я их сюда повесила?

– Понятия не имею, дорогая.

– Странно... – Она будто пыталась что-то вспомнить. – Я же не буду просто так прятать ключи.... Спать с ними. Ходить. Это... это неудобно.

– Может, ты боялась их потерять?

– Да, т-такое вполне может быть.

– Так ты... отдашь их?

– Да, бери. Они мне не нужны.

Холли передала ключи. Клэр выдохнула с таким чувством, словно заполучила не просто необходимый и долго разыскиваемый предмет, а что-то сакральное.

Сестра снова уставилась на двор, а Клэр взволнованно заговорила:

– Мне нужно отойти, Холли.

– Хорошо.

– Возможно... – У Клэр обострилось чувство сожаления.

Она понимала, что уже не вернется, даже если кордон с военными еще там. Будет искать другой путь домой. Холли не

обращала внимания на эмоции сестры. – Возможно, меня не будет некоторое время. Не забудь присмотреть за мамой и Оливером.

– Я... постараюсь не забыть.

Клэр подошла к Глории. Признаки сознания полностью отсутствовали, но та продолжала сидеть на диване в гостиной вместе с Оливером.

– Прощай, мама! – сказала она и поцеловала женщину в щеку.

Неожиданно голова Глории дернулась и приняла странное положение. Та открыла рот, но вместо слов издала хрип. Клэр не знала, как реагировать, и просто оставила жест без ответа.

Сидящий рядом Оливер внезапно отреагировал.

– Девушка, – очень медленно произнес он, – вы кто?

– Не обращай на меня внимания, Оливер.

– Оливер? А кто это?

Клэр бросила прощальный взгляд на мать, а затем ушла в гараж. Открыв ворота, она завела автомобиль и неспешно выехала. Неожиданно у входной двери появилась Холли. В руках у нее был молоток. Клэр посмотрела на сестру, продолжая ехать и выворачивая с участка на дорогу. Холли неспешно сокращала дистанцию, а затем резко кинулась к едущей машине. Оказавшись вблизи, она замахнулась молотком. Последовал удар. Ей удалось разбить боковое стекло с пассажирской стороны, но осколки не вонзились в Клэр.

– Хочешь от нас сбежать, гребаная сука! – закричала Холли.

Клэр нажала на педаль газа, и сестра отстала.

– Господи... – потрясенно произнесла Клэр. – Господи...

Клэр понимала, чем чревато бешенство родной сестры для оставшихся в доме, но вместе с тем она не имела понятия, как обратить происходящие в психике Холли сдвиги.

Клэр посмотрела на свое отражение в зеркале заднего вида. «Я, черт возьми, определилась с направлением и не собираюсь менять его», – подумала она.

Спустя несколько часов Клэр увидела знаки, предупреждающие о близости военного контрольно-пропускного пункта. Отсюда ее неоднократно отсылали домой, но в этот раз никого из военных девушка не увидела. Рядом со шлагбаумом стояло несколько машин с отверстиями от пуль, чуть дальше находился сгоревший автомобиль и несколько разбитых. Видимо, гражданские все-таки прорвали заставу и двинулись дальше.

Кое-как объезжая машины, Клэр двигалась вперед, но вскоре остановилась. Она понимала, что ей понадобится оружие, и по этой причине решила выйти из автомобиля.

Кордон напоминал международный пограничный пункт. Точка контроля движения представляла из себя сужение четырехполосной дороги до двухполосной. Проезд был прегражден турникетами и шипами, которые при чрезвычай-

ных ситуациях выбрасываются на асфальт перед нарушителем. По бокам от автоматических шлагбаумов располагались две оборонительные точки с укрепленными стенами. Военные знали, что ситуация будет ухудшаться, и были готовы к обороне. Окошки у этих крохотных зданий были горизонтальными для удобства ведения огня. Помимо этих укрытий солдаты могли нести караул у самого шлагбаума или где-то поблизости, контролируя подъезжающих водителей. Со всем недалеко находилась вышка – с нее как раз и сообщали о приближении подозрительного транспорта. Недалеко от дороги располагалась большая палатка. Рядом находились другие, меньшего размера. Они служили для отдыха, сна и других нужд. Выделявшаяся размером палатка была местом приема пищи, хранилищем, складом и штабом связи. Рядом с ней также находилась небольшая вышка с прожектором для охраны палаточного лагеря.

Клэр было тяжело представить, сколько здесь было солдат. Полгода назад она видела, что у шлагбаума стояло по два человека для каждой полосы. Бывало, что пятый, сержант, также участвовал в дежурстве. Судя по всему, они были дислоцированы сюда надолго, и вряд ли их за все эти месяцы кто-то сменил. Скорее всего, количество военных варьировалось от двадцати до тридцати.

Клэр спустилась с дороги и зашла в большую палатку. Она ожидала увидеть внутри что-то ужасное, возможно, следы произошедшей некоторое время назад бойни и мертвые те-

ла. Но внутри было пусто. Здесь не было никого: ни живых, ни мертвых. Она прошла через столовую в хранилище оружия. Кроме пустых обоев, девушка ничего не нашла. Тогда она направилась на склад, где хранилась еда, но и там оказалось пусто. Клэр из-за постоянно развивающихся симптомов вируса не совсем понимала причин ухода военных, но, что они отсюда свалили, прихватив с собой все, что только можно, она осознавала. Судя по пустой кухне, солдаты остались без еды: видимо, прекратились поставки, а возможно, они устроили бунт по какой-то причине и теперь терроризируют ближайшие населенные пункты.

Она вернулась к машине с пустыми руками, села на водительское кресло и замерла. Клэр будто задумалась, но при этом в голове не витало ни одной мысли – девушка просто уставилась в одну точку. Неизвестно, сколько времени так прошло, но из транса ее вывел неожиданно сработавший будильник на телефоне.

– Зачем я завела его? – прошептала она.

Через мгновение она прочитала напоминание: «Не забудь поесть». Причина, по которой ей приходилось оставлять сообщения самой себе, была ясна: рассеянность в последнее время усугубилась, оттого и приходилось пользоваться смартфоном. Хорошо, что для этого мозгов пока хватало. Но что повлияло на резкое ухудшение памяти и восприятия? Возможно, сыграла роль смена обстановки или же, что вероятней, вирус прогрессировал. Клэр тяжело давался

самоанализ, но она тут же предусмотрительно завела таймер на другое время с той же целью.

Во время поедания печенья телефон зазвонил во второй раз.

– А сейчас-то чего?

Она посмотрела на экран. Сработало другое напоминание: «Посушай поледнию запись». Писать правильно она уже не могла.

Клэр нажала на виджет в центре экрана. Зазвучал ее голос: «Думаю, что нужно с-сделать запись. Меня зовут Клэр, – она еще помнила свое имя, но совсем забыла, когда записала это аудиосообщение. – И сейчас я еду к Д-Джеймсу. Я п-понимаю, что уже м-м-могу не успеть, но я должна поп-п-пытаться. Я люблю его и х-хочу, чтобы он знал об этом. Клэр, – она обратилась к себе в третьем лице по неизвестной причине, – гони! Гони так быстро, как только сможешь, и с-с-скажи ему, признайся, как сильно ты его любишь».

Запись закончилась. Она положила печенье на сиденье и завела автомобиль. Время было на исходе. Девушка хотела уже тронуться, но не смогла разобраться в управлении ручной коробкой передач.

– Все оч-чень плохо, – с опаской произнесла она.

Включив наконец скорость, Клэр рванула вперед. Направление ей задавал включенный навигатор.

В течение нескольких часов она ехала без остановок. За это время наступила ночь. И тут в свете фар показалось

скопление машин. Затормозив, Клэр увидела силуэты людей внутри ближайших автомобилей. Но из-за темноты было непонятно, на какое расстояние растянулась пробка. Девушка решила, что необходимо дождаться рассвета. Ко всему прочему, она сильно устала из-за долгой дороги. Клэр защелкнула замок на дверях, взяла нож для самообороны и забралась на заднее сиденье машины. Она закрыла глаза и вскоре уснула.

В боковое стекло кто-то барабанил, и Клэр проснулась. На улице было светло. В приоткрытое окошко мужчина закричал:

– Еда! Дай мне еды!

– Что? У меня... у меня почти ее нет.

– Дети, со мной дети. И... мы стоим там, – он указал вперед, – в н-н-начале пробки, уже много времени.

Речь была невнятной, но Клэр смогла ее разобрать.

– Дети, – тихо повторила она, после чего посмотрела на печенье. – Вот, возьмите.

– С-спа-с-сибо.

Мужчина ушел. Клэр машинально обернулась и заметила, что сзади стоит около десяти машин. Обратный путь был перекрыт, а люди все прибывали и прибывали. Выбравшись из автомобиля, Клэр попыталась разглядеть, из-за чего образовался затор. Вереница машин оказалась слишком длинной, и из-за поворота было невозможно увидеть ее начало.

Клэр захлопнула дверь и пошла вперед, чтобы узнать причину скопления стольких машин.

Через несколько минут Клэр увидела кордон вблизи. И он уже был куда серьезней, чем те, которые она встречала до этого. Здесь был не шлагбаум, а стальные ворота. Стена на дороге была такой ширины, что по ней спокойно расхаживали солдаты. На лице у них были респираторы, в руках – оружие.

Кто-то из гражданских вел переговоры с военными. Претензия была понятна: всем хотелось проехать вперед.

Клэр подошла вплотную к стене и обратилась к стоящему у нее мужчине. До ее прихода он молчал, сдерживая группу протестующих лишь своим присутствием.

– С-скажите, п-почему не пропускают?

– Э-м, я не знаю, – медленно говорил неизвестный. – Мы тут уже долго. А вы давно приехали?

– Ночью вроде.

– А где ваша машина?

– В конце.

Мужчина замолчал, обрывая и без того не вяжущийся диалог. Через мгновение он просто ушел. Клэр проводила его взглядом и прислушалась к словам военного:

– Немедленно всем разойтись, садитесь в машины и уезжайте...

– Куда мы поедем? – прервал его один мужчина. – Наш дом в той стороне!

– И у нас нет еды! – выкрикнул другой.

– Воды тоже! – поддержал третий.

В голову Клэр пришла тяжелая мысль, что без пропитания люди либо начнут штурмовать заграждение, либо...

«О боже, – подумала она, – либо начнут грабить друг друга!»

Военный дождался, пока толпа утихомирится, и продолжил:

– Нам отдан приказ на расстрел гражданских, которые ведут себя агрессивно, и вы, господа, все в зоне риска. Немедленно разойдитесь, или мы применим оружие!

– Они н-не посмеют! – раздался голос.

– Хотят запугать, – не поверил другой.

Клэр не хотела это проверять и решила вернуться к машине. Она рассчитывала сесть в автомобиль и попытаться обдумать следующие шаги. При этом Клэр осознавала, что порой теряет суть происходящего.

Вернувшись в конец пробки, Клэр постаралась вспомнить, как выглядит ее автомобиль. Подойдя туда, где она предположительно его оставила, девушка заметила, как несколько человек растаскивают содержимое одной машины. Клэр вновь огляделась. Затем инстинктивно достала из кармана брелок. Это были ключи с дистанционной сигнализацией. Она посмотрела на них и нажала на кнопку. Окруженный мародерами автомобиль запищал. Клэр подошла ближе и закричала:

– Это моя машина! А ну п-пошли вон!

Трое убежали, а остальные убедились, что хозяйка транс-порта – одинокая хрупкая женщина, и продолжили грабить, как ни в чем не бывало.

– А ну, ты, свалил!

Она оттащила одного. Кажется, это был мужчина, с которым она говорила у стены.

– Иди в задницу, сука! – заорал он в ответ.

Клэр взбесилась. Она подняла ближайший камень с обочины и ударила наглеца по затылку. Тот упал, а после выкрикнул:

– Гребаная тварь!

Из его затылка шла кровь.

– Отошел! Или я тебя... – Она забыла слово, но через мгновение все же смогла закончить предложение: – Прикончу!

Мужчина немного отполз, а затем поднялся на ноги и, держась за затылок, ушел прочь. Клэр повернулась ко второму. Только что он копошился в багажнике, а теперь стоял, направив револьвер ей прямо в лицо.

– Только... попробуй... помешать... мне...

Крупный мужчина говорил с паузами, продолжая держать в вытянутой руке оружие. Но Клэр проигнорировала угрозу, так как лицо неизвестного показалось ей до жути знакомым.

– Я тебя знаю... Тебя... т-т-тебя зовут... Салим! – На удивление, она помнила имя араба из аэропорта.

– М-м-мы, – промычал он, – знакомы?

– Мы п-познакомились в... – Она замялась. – Черт! Я за-
была.

– Я тоже где-то тебя видел.

– В аэропорту! – неожиданно вспомнила она.

Салим опустил револьвер, задумался и через секунду, за-
пинаясь, произнес:

– К-Клэр.

Оба онемели. Салим открыл рот, чтобы сказать что-то
еще, но неожиданно, словно гром среди ясного неба, раздал-
ся выстрел, и в тот же миг изо лба Салима побежала струй-
ка крови. Точный выстрел угодил именно туда, куда целился
снайпер. Пуля прошла навывлет. Из затылка вместе с пулей
вылетели кусочки черепа и мозгов. Несколько капель крови
попали на лицо Клэр. Не поверив увиденному, она простоя-
ла несколько секунд неподвижно...

Солдат с вышки увидел оружие в руке араба и выстрелил.
Военный с улыбкой на лице продолжал в прицел рассматри-
вать результат своих действий.

Салим рухнул вниз, а Клэр по-прежнему стояла, окаме-
нев. Немного придя в себя, она произнесла:

– Нет... Нет, нет, нет! Ах вы ублюдки!

Подбежал неизвестный мужчина. Он присел рядом с тру-
пом и подобрал револьвер. Клэр увидела это.

Отвлекая ее, незнакомец спросил:

– Вы знали его?

Его речь казалось здоровой, будто он не был заражен.

– Плохо.

– Как его звали?

– Салим.

– Нужно убрать его с дороги.

Клэр непонимающе посмотрела на него. Мужчина продолжил:

– Дети. Здесь есть дети. Не хочу, чтоб они видели труп.

Они оттащили тело с дороги. Клэр взяла из багажника одеяло и накрыла им Салима. Через некоторое время она оглянулась в поиске своего помощника, но мужчины уже не было рядом. Ей ничего не оставалось, кроме как сесть в машину и попытаться придумать, что делать дальше.

Вечером в очередной раз прозвенел будильник на телефоне. Она не могла осознать, почему он сработал. Что-то нужно было сделать, но что именно? Клэр не знала, не помнила. Всматриваясь в экран и пытаясь понять, для чего звенит будильник, она услышала одиночные выстрелы. Выйдя из машины, Клэр вновь услышала пальбу. Затем прозвучала автоматная очередь. Только после этого она поняла, что стрельба идет у кордона. Несколько секунд затишья – и вновь очередь. Клэр посмотрела в сторону шума: ничего не видно.

Стрельба не умолкала. Где-то слышались крики. Детский плач из ближайшей машины. Клэр прошла чуть вперед, прижимаясь к автомобилям из страха оказаться на линии ог-

ня. Многие участники затора также вышли из машин, некоторые же остались внутри и испуганно выглядывали из окон. Она заметила бегущего в ее сторону мужчину, а за ним – целую толпу, протискивающуюся через плотные ряды транспорта. В этой массе были в основном мужчины, но не только: бежали и женщины, и старики, и даже дети. Первым без оглядки мимо Клэр пролетел один парень, а за ним пронеслась и толпа. В глазах каждого был страх. Бессознательный, первобытный страх, ведомый инстинктами. Среди убегающих от кордона оказался и раненый. Его кровь метила асфальт.

Прозвучали еще выстрелы, на сей раз так близко, что Клэр испугалась. Она машинально пригнулась. Пули пролетели совсем рядом. Мужчина, стоящий относительно недалеко от Клэр, опустил голову. Он прикоснулся к своему животу, а затем медленно поднял руку, разглядывая окровавленную ладонь. Мужчина дернулся к собственной машине, но, потянувшись к ручке двери, неожиданно рухнул вниз. Ранение оказалось смертельным. После падения он не шевелился.

Кто-то снова открыл огонь, и Клэр скорее почувствовала, чем услышала, как пули прошивают стоящие рядом машины. Оставшиеся в зоне риска люди выбрались из автомобилей и, гонимые опасностью, пытались скрыться. Клэр присоединилась к ним. В образовавшейся группе кто-то бежал пообок от нее, кто-то спереди, кто-то сзади. Вслед за очередными выстрелами начали падать люди. Гражданские гиб-

ли от пуль. Неизвестно, сколько все это длилось, но в какой-то момент Клэр забыла причину происходящего. Реальность неожиданно ускользнула от нее, растворилась и стала напоминать неясный обрывочный сон. Все вокруг кричали, суетились, убегали. Она вертела головой, чтобы понять, что же все-таки происходит, но ничего не прояснялось. Какие-то люди в форме и респираторах шли промеж автомобилей и периодически палили по убегающим или по оставшимся в машинах. Клэр почувствовала, что кто-то ее дернул за руку.

– Нужно бежать! Они же пристрелят тебя!

Это был тот мужчина, который подобрал револьвер Салима. Клэр поддалась призыву неизвестного и побежала за ним. Кажется, он был одним из тех, кто все понимает, и именно поэтому девушка держалась к нему поближе. Неизвестный на бегу продолжил:

– Диверсия не удалась. Я лишь одного смог грохнуть. А потом они взбесились.

Клэр не знала, что сказать: в голову ничего не приходило. Она промолчала, а мужчина продолжил:

– Давай в лес! Здесь где-то деревня, нужно попасть туда. – Он сделал паузу, осматриваясь. Потом резко побежал вперед, указал на небольшую группу свернувших с трассы: – Давай за ними. В группе будет проще выжить.

Клэр направилась в сторону леса и тут же услышала истошный крик помогавшего ей мужчины. Она обернулась, стоя у самой границы диких зарослей. Мужчина держался за

ногу. Он посмотрел на нее так, словно понимал, что обречен. Через несколько секунд его расстреляли догнавшие.

– Вот эта сука! – заорал солдат, напоминая остальным военным, кто открыл по ним огонь.

– Зачем ты грохнул его, идиот? Мы хотели с ним поработать!

Один из них заметил девушку.

– А это кто еще?

– Соучастница?!

– Взять живой! Палить по ногам!

Клэр увидела, как один солдат поднял автомат и прицелился. Девушка ринулась в лес. Несколько веток срезало пулями, но она каким-то чудом осталась невредима.

Клэр слышала позади крики военных, но останавливаться не собиралась. Она бежала. Бежала с такой скоростью, с какой только могла. Порой шальная пуля пролетала рядом, но от этого ноги двигались еще быстрее. Без усталости, без оглядки. Деревья не кончались, а она все неслась и неслась в глубь леса. Наконец крики и выстрелы позади стихли. Немного передохнув, Клэр вновь бросилась было бежать, но резко остановилась. Девушка забыла, от чего так усердно скрывается. Вокруг был лес. Где-то вдалеке она заметила силуэты людей. Бросилась за ними, но тут же потеряла из виду. Клэр ничего не понимала. Она не имела понятия, что делать дальше. Куда бежать? Для чего бежать? Она даже не знала, как ее зовут, кто она такая и почему все происходит,

словно во сне...

Стеклянные глаза, сознание без единой мысли и полное пренебрежение всем на свете. Эта девушка опустошилась, сошла с ума, потеряла свое я. Ее ноги просто шли вперед – без понимания, без цели, в пустоту. В неизвестность...

– Глава II —

Отец

– Кушай, доченька, кушай, – спокойно, будто обращаясь к ребенку, говорил мужчина, поднося ко рту девушки очередную ложку супа.

Она сидела напротив, прикованная к инвалидному креслу. Когда он зашел, ее безразличный, отсутствующий взгляд наполнился гневом. Она была словно хищный зверь, запертый в клетке. Несмотря на ее сопротивление, попытки кормления продолжались.

– Ну же, открой рот! – по-доброму настаивал мужчина.

Она разжала челюсть. Но, как оказалось, не для приема пищи, а чтобы заорать, как обезумевшая. В этот момент отец запихнул ложку ей в рот. Девушка проглотила еду, продолжая ненавидеть его. Она утратила способность мыслить и даже говорить. Кормящий это понимал. Понимал, что такое поведение может продлиться бесконечно долго, но при этом не терял надежды на выздоровление.

Непростая процедура кормления повторялась до той поры, пока отношение девушки не изменилось.

Однажды мужчина зашел в комнату и увидел, что она

спокойно сидит, осматривая стяжки, сковывавшие ей руки и прижимавшие их к подлокотникам инвалидного кресла. Несмотря на то, что он находился рядом, девушка не была агрессивна.

– Ты сегодня, – улыбаясь, начал говорить мужчина, – ведешь себя иначе.

Не издав ни звука, она подняла взгляд и на какое-то время сфокусировалась на нем, а затем все так же молча принялась осматривать помещение. Движения казались неестественными и растерянными.

Мужчина поставил поднос, зачерпнул ложкой суп и поднес ко рту девушки. Подумав, она приняла пищу. Смена поведения приятно удивила кормящего. Желаемые изменения наконец-то проявились, но он постарался не обольщаться и скрыл нахлынувшие эмоции.

Когда тарелка практически опустела, мужчина неожиданно услышал ломаную речь:

– К-кто ты такой?

Он улыбнулся шире и через мгновение восхищенно произнес:

– Господи... – Его глаза заблестели. – Господи, ты... Ты заговорила.

На этот раз мужчина не смог скрыть восторг. В этот миг он был счастлив. Девушка молчала, пытаясь сосредоточиться.

– Ким, я... – Разволновавшись, он поперхнулся, но тут же собрался с духом и произнес: – Я твой отец.

– Отец? – Она сделала паузу. – Это тот, к-к-кто родил меня?

– Ну, – протянул он, – это тот, кто имеет отношение к твоему рождению. В общем-то ты права.

Они смотрели друг на друга. Мужчина не переставал улыбаться.

– Меня зовут Рон, то есть Рональд. А твое имя – Кимберли. Помнишь?

Девушка задумалась, а после коротко ответила:

– Нет. – Она отвела взгляд в сторону и медленно, словно заново учась говорить, продолжила: – Ничего не помню.

– Это поправимо, – сказал Рон, а затем чуть более звонко повторил: – Поправимо. Я уверен, ты все вспомнишь.

– Рон.

– Да, доченька? – Обращение по имени заставило сердце мужчины биться чаще.

– А п-почему я связана?

– Ну, это для безопасности. Просто... – Он вдохнул, задумавшись, после чего тихо произнес: – Как же бы тебе проще объяснить... – Через мгновение Рон собрался с мыслями и выдал: – Просто многие люди сейчас болеют, и ты тоже оказалась заражена, но, как видишь, я практически тебя вылечил. Ты идешь на поправку. И я тебя обязательно развяжу, как только буду уверен, что для нас это безопасно.

Ким вновь посмотрела на мужчину: седые волосы и длинная борода, также потерявшая цвет, были аккуратно уложе-

ны и причесаны. Он казался гораздо выше ее и сильно старше. Рону было около шестидесяти, и у него были явные проблемы с лишним весом.

– Послушай, – заговорил он, – у меня есть небольшие дела. Придется тебя оставить на ночь одну. А завтра я покажу наш дом.

– Не знаю м-мо-мо...

– Доченька, – прервал он заикание девушки, – твой разум еще слаб, но скоро он окрепнет. Нужно потерпеть...

Мужчина встал со стула и направился к выходу из комнаты. Напоследок он обернулся ко все еще недоумевающей девушке и добавил:

– Увидимся завтра.

Рон прикрепил санитарную емкость снизу сиденья инвалидного кресла Кимберли и вышел из комнаты, заперев дверь.

Ким не умела рассуждать. Она даже не задумывалась, как он мыл ее, как для этого обездвигивал и как менял одежду. На теле не было ни ссадин, ни синяков. Худоба объяснялась сложностями с кормлением. Любые рассуждения были слишком сложны для нее, и, хоть взгляд обрел некое понимание, мозг работал слишком слабо.

На следующий день Рональд открыл дверь комнаты дочери и сходу заговорил:

– Ну что, как самочувствие, Ким?

– Не знаю. Ничего не п-п-понимаю. Мне сложно... сложно... – Слова подбирались тяжело, отчего речь была медленной и постоянно прерывалась.

– Размышлять? – помог договорить Рон.

– Да.

– Тем не менее... – Мужчина зашел за спину, взялся за ручки кресла и направил его вперед. – Немного развеяться тебе не помешает.

За границей той малой и практически пустой комнаты, где находилась Ким, был небольшой коридор, а после – еще одна комната, напоминавшая гостиную. Центральное помещение оказалось небольшим. Потолки были низкими. От головы крупного Рона до светодиодных ламп был совсем маленький промежуток. В центре гостиной находился диван, напротив стоял старый цветной телевизор. Под ним – DVD-плеер с дисками. Рядом – журнальный столик. У одной стены стоял шкаф с книгами, на других висело несколько дешевых картин. Была и пара тумб с сувенирами на них. Чуть поодаль от зоны отдыха находилось что-то наподобие кухни. Небольшая часть помещения была ограждена барной стойкой, за которой имелось все для готовки разных блюд: электрическая плита, шкафчики для посуды, мойка и небольшой холодильник.

– Вот здесь, – показывая помещение, заговорил Рон, – я и провожу все свободное время. Там, – он указал на тумбы, – есть настольные игры, шашки, шахматы. Я их специально не

выбрасывал – ждал момента, когда мы сыграем. Думаю, он скоро настанет. И не переживай: я научу тебя играть заново. Вон там находится кухня, а за ней – продуктовый склад.

Девушка подняла голову и взглянула на стоящего позади Рона.

– Хорошо, – с тяжестью произнесла она.

– Есть кино на любой вкус, книги. Ты раньше любила читать. – Мужчина обвел взглядом комнату и задумчиво произнес: – Так-с, что у нас тут еще есть? – спросил он сам у себя. – В общем, в самое ближайшее время эта комната будет в твоём полном распоряжении. Пойдем, я покажу тебе остальные.

Они двинулись дальше, и из двух разветвлений Рон подошел к ближайшему.

– Вот здесь моя комната. Кроме кровати, стула, шкафа и тумбочки в ней ничего нет. Думаю, она тебе не интересна. Поехали дальше.

Выбрав направление, Рон покатил кресло вперед. В самом конце коридора виднелась вертикальная лестница, ведущая наверх. Но Рональд указал на другое помещение и открыл ведущую в него дверь.

– Тут у нас мастерская, генератор и топливо для него. Эту комнату я изолировал: не люблю, когда шумно. – Ким осматривала помещение, а Рональд продолжил: – Если генератор заглохнет, то в нашем жилище перестанут гореть свет и работать розетки. А это очень плохо, между прочим.

Девушка молчала, и Рон спросил ее:

– Ким, ты понимаешь меня?

– Я понимаю.

– Если генератор не будет работать, погибнет и мой сад.

– Сад?

– Да, – с улыбкой ответил Рон, – это моя гордость. Я вырастил его сам с нуля и очень дорожу им. Я покажу.

Они вернулись в коридор, и Рон открыл следующую дверь, располагавшуюся ближе к лестнице наверх.

Это помещение оказалось самым светлым. Мужчина продвинул Ким немного вперед от дверного проема.

– Здесь я выращиваю помидоры, огурцы, кабачки, капусту – короче, много чего, но тебе лучше не появляться тут без моего присмотра. Не дай бог, повредишь систему освещения или уронишь что-нибудь. В общем, пока я запрещаю тебе тут находиться, но в будущем, думаю, это изменится. – Мужчина говорил спокойно, не повышая тон. Он продолжил: – Для хорошего урожая я тщательно удобряю землю. Это необходимо, так же, как и свет, и нужная температура. Все это труд, все это формировалось не день и не месяц, поэтому я прошу, чтобы ты уважала мои старания.

Девушка слушала или, по крайней мере, делала вид, что слушает. Рон не ждал от нее комментариев или сложных вопросов, но он понимал, что если повторять необходимую информацию время от времени, то она обязательно запомнит.

– Давай вернемся в зал, включим телевизор, и ты посмот-

ришь кино. А пока ты смотришь, мне надо будет выйти.

– Куда? – неожиданно поинтересовалась девушка.

– На поверхность.

Она вопросительно посмотрела на него.

– Понимаешь, мы живем под землей. Здесь мы прячемся от заболевших и... – Он замялся. – И плохих людей, которые могут нам навредить. Здесь безопаснее, чем снаружи. Как только ты восстановишься, я все тебе расскажу, а сейчас пойдем в зал.

Рональд укатил кресло в самую большую комнату убежища, поставил рядом с диваном напротив телевизора и включил фильм.

В этот момент Ким обратилась к отцу:

– Пап...

– Да, доченька?

– А п-п-почему я не чувствую... – подбирая слова, она указала на ноги, – часть себя?

Рональд задумался.

– Ты всегда была такой, дорогая.

Ким не вела счет дням, но, по словам Рона, их прошло достаточно много с момента ее «пробуждения». Девушка не умела читать, писать и даже считать. Именно поэтому отец не упоминал точных дат. Какой в этом смысл, если Ким не знает цифр? Девушке приходилось учиться всему заново, и для начала Рон дал ей учебники младших классов. Благо,

подобных книг в их логове хватало.

Спустя время к ней вернулось устойчивое восприятие и постоянное осознание себя в этом мире. Раньше ей казалось, что она проваливалась, забывалась и приходила в себя лишь через несколько часов, а порой в забвении мог пройти и день. Для Ким такие моменты казались нереальными, порой у девушки создавалось впечатление, будто она перемещалась во времени. Но сейчас... сейчас дело обстояло намного лучше.

Отец разрешил ей передвигаться по жилищу даже в его отсутствие. Однажды она заглянула в оранжерею, но ни на что, кроме как сорвать пару помидоров вблизи от входа, не решилась.

«Вдруг папа заметит?» – думала девушка, боясь огорчить отца.

Ким проводила время лишь в гостиной и личной комнате, в которой Рон поставил кровать. Чтобы нормально поспать, девушке приходилось постоянно обращаться к нему за помощью, так как она была физически слаба. Он всегда помогал ей.

Ким продолжала читать книги, смотреть телевизор, а иногда даже бралась за приготовление самых простых блюд. Рональд не всегда был рад такой инициативе и часто напоминал, что обращение с ножом очень опасно для нее. Ким отвечала, что должна хоть чем-то помогать ему, иначе будет чувствовать себя совершенно беспомощной. И тогда Рон давал ей простейшие задания: например, помыть посуду с ми-

нимальным потреблением воды или избавиться от просрочки на складе. Подобные задания поначалу казалось сложными, но Ким справлялась.

В общем и целом жаловаться было не на что, за исключением головных болей. Хоть Рон и давал ей таблетки, боли не проходили и порой становились невыносимыми. Мигрень дочери мужчина списывал на восстановление мозга после болезни. Стараясь игнорировать боль, Ким продолжала изучать себя и мир вокруг с помощью телевизора и книг.

Однажды Ким поинтересовалась:

– Пап, – она практически перестала заикаться, но слова все равно приходилось подбирать, – а сколько мне лет?

Мужчина посмотрел на дочь. Пауза слегка затянулась, и тогда Ким продолжила:

– Просто я прочла, что у каждого человека есть возраст.

– Ты становишься любопытной.

– Это плохо?

– Иногда, доченька.

– Ну, так ты можешь сказать, сколько мне лет?

– Тебе семнадцать.

– Так я еще совсем юна!

– Да. И невинна.

– Невинна?

– У тебя не было мальчиков. Ты должна понимать, почему.

– Потому что я юна? – спросила она.

– Есть еще кое-что, дорогая.

– Потому что я... инвалид?

– Да, но давай не будем о грустном.

Возникла пауза. Тема для разговора была неприятна обоим, и тогда Ким решила спросить о другом:

– Я совсем не помню своего прошлого. Как мы жили?

Мужчина нажал кнопку паузы на пульте, и изображение на экране телевизора мгновенно застыло.

– Я ждал этого вопроса, – сказал он, улыбнувшись. – Хотел, чтобы ты начала интересоваться сама. Говорят, когда человек проявляет желание узнавать что-то новое, то это лучше сохраняется в памяти, нежели когда он слушает без особого интереса.

– Ты говоришь прямо как тот психолог из фильма. Как его?..

– Не сравнивай меня с персонажем из вымышленного мира, я не такой, – сказал Рональд, а затем продолжил: – Но в психологии все же немного смыслоу.

– Судя по всему, не так уж и немного, – похвалила дочь.

– Ну так вот, давай я тебе немного расскажу о нашем прошлом. Мы с твоей мамой познакомились очень давно. Тогда мы состояли в одном спортивном клубе. Там, собственно, и увидели друг друга впервые. Через год мы поженились, купили квартиру в городе, затем – небольшой магазинчик для охоты и рыбалки и, как любая здоровая семья, подумывали завести ребенка...

– А какой была мама? – прервала Ким.

– Была?

– Ну, – протянула девушка, – раз за столько времени я не увидела ее, значит, с ней случилось что-то плохое.

– Да, это верно. Она действительно умерла от болезни, но не связанной с той, которой болела ты. Мария погибла до всего этого кошмара. Она мучилась недолго, и я даже немного рад тому, что она не видит всего того, что творится на поверхности. В моей памяти она запечатлелась только с положительной стороны. Эта женщина была храброй, решительной, порой мне казалось, что именно она у нас глава семьи. Внешне Мария не была моделью, но и до моих габаритов ей было далеко. Вообще для крепких отношений вес не играет роли. В них главное другое. Ты знаешь, что необходимо для счастливой семьи?

– Нет.

– Главное – это общие интересы. Правда, были у нас и разногласия по воспитанию дочек, но это...

– Дочек?! – перебила Ким.

Рональд растерялся. В этот раз разговорчивость подвела его. По лицу мужчины было видно, что эту тему он явно не планировал раскрывать. Надо было как-то выкручиваться.

– Черт, я сказал «дочек»?

– Да, папа. Так у меня есть сестры? Но где они?

– Там же, где и мама, дорогая: на небе. Извини, что приходится скрывать некоторые вещи от тебя.

– У меня были сестры, – задумчиво произнесла она. – А сколько их было?

– Давай не будем, Ким... Мне и вправду тяжело говорить обо всем этом.

– Ну хорошо, пап. Мне тоже не хочется вспоминать плохие времена.

– Для меня очень важно, что ты меня понимаешь, дорогая... Спасибо тебе за это!

После паузы Ким вновь заговорила:

– А кем вы работали?

– Не сказать, что я прямо люблю труд. Мне приходилось работать где попало, всех мест и не перечислить. Но после покупки магазина я остановил эту карусель постоянного поиска лучшего места. А вот твоя мама всю жизнь проработала медсестрой в одной из ближайших клиник. Я даже перенял у нее кой-какой опыт, но до ее уровня мне далеко. Всю жизнь твоя мама работала медиком.

– Это хорошая профессия, – горделиво подытожила Кимберли и тут же перевела тему разговора: – А когда ты построил это убежище? Его же построил ты?

– Да, наш дом сконструировал именно я. Ты догадливая.

– А это хорошо или плохо, что я догадливая?

– Я отвечу, как всегда: иногда.

– Расскажи, как ты построил это убежище, папа? – повторила Ким.

– Ну, для начала тебе нужно знать, что наше жилище не

спасет от атомного или химического взрыва. Воздух затягивается с поверхности, так что оно не для войны, а, скорее, от последствий войны.

– Это как?

– После войн, неважно каких – гражданских, мировых, локальных, – люди становятся жестокими. Быть жестокими их вынуждают обстоятельства, и лишь иногда они являются таковыми по сути. Когда-то таких людей сдерживал закон, но после опустошительных войн эти законы не имеют силы для оставшихся в живых. Большинство из них становятся злыми из-за нехватки еды или из-за встречи с теми, кто тоже хочет выжить. В итоге сильный убивает слабого, становясь еще более бездушным. Но, возможно, причина такого поведения заключается в страхе и недоверии. В общем, факт остается фактом: при отсутствии сдерживающих обстоятельств люди звереют.

– Пап, я уже забыла, с чего ты начал.

– Я пытаюсь объяснить, для чего я построил убежище.

– А-а-а! Ну и для чего же?

– Чтобы не жить в постоянном страхе, в постоянном ожидании прихода злых людей. А сейчас, Ким, как раз такое время. Любой может ворваться в твой дом и убить. Помню, – Рон слегка озлобился, – как соседи крутили пальцем у виска, показывая, что я сошел с ума, вбухивая деньги и силы в никому не нужную постройку. Теперь эти люди, скорее всего, мертвы. Были б они рядом, я бы не постеснялся спросить,

кто сейчас прав. Как ты думаешь, Ким, что бы они ответили? А? Кто прав?

– Пап, успокойся. Прав, конечно же, ты.

– Я строил убежище, – в Роне проснулось смешанное чувство гнева и жалости из-за потери близких, – для своих дочек и для нее – моей Марии. Я знал, что так будет, знал!

Ким впервые заметила в поведении отца неконтролируемые эмоции.

– Я вижу, что ты старался для нас, вижу, как ты бережешь меня, и это... тяжело. Я все понимаю и представляю, насколько тебе дорог этот дом.

– Нет, доченька, дороже всего на свете для меня именно ты.

Она подкатилась ближе и потянулась, чтобы обнять отца. Увидев это, он склонился к ней.

– Все это когда-нибудь закончится, – утешала она.

– Я знаю. Знаю.

Через несколько дней Ким так же, как и всегда, смотрела телевизор. Неожиданно из своей комнаты выскочил отец. Он наигранно воскликнул:

– Взгляни на меня, дочь!

Она присмотрелась. Рональд театрально спросил:

– Неужели ты не видишь изменений?

Ким сразу заметила, но отреагировать попросту не успела.

– Ты побрился!

– Да, детка, я решил сменить имидж! Как тебе?

– Ну ты, пап, прям жених, – отозвалась девушка.

– Немного скинуть вес, да и самую малость – возраст, и я бы поверил тебе, – засмеялся Рон. – Хотя, – он задумался, – возможно, я и вправду красавчик.

– В том, что ты импозантный, я не сомневаюсь.

– Хм... Какое интересное слово! Мне оно нравится. Ты ведь знаешь, что оно означает?

– Конечно, я услышала его в фильме и в этот же день посмотрела в словаре. Импозантный – это человек, который внушает уважение, располагает в свою пользу и производит положительное впечатление.

– Вот это да! Видимо, сегодня день удивлений. Сначала я такой, – он плохо изобразил лунную походку, а затем с выражением произнес: – Импозантный. А затем ты – такая умничка. Просто праздник какой-то!

– Может, и вправду стоит устроить праздник, – предложила она.

– Да? И как же ты хочешь отпраздновать?

– Я бы поднялась наверх. Для меня это было бы настоящим подарком.

Рональд вяло улыбнулся.

– Ты же знаешь, что туда нельзя. Там слишком опасно.

– Ты... – Ким опустила голову. – Ты прав, пап.

– Не грусти, доченька. Мы справимся. Возможно, я сегодня даже угощу тебя глотком виски.

– Что, правда?!

– Почему бы и нет? Ты уже взрослая.

– А мне точно можно?

– Нет, нельзя, но ты же сама сказала, что сегодня праздник. И вообще, давай придумаем ему название?

– Хм, пускай это будет днем... – Пытаясь креативно мыслить, она приложила палец к губам, но через мгновение поняла, что ничего оригинального не лезет в голову, и, сменив позу, выдала: – А знаешь, пап, давай его так и назовем: день удивлений.

– Хорошо. Я отмечу этот день на нашем календаре красным маркером.

– И мы будем его отмечать каждый месяц?

– Ничего себе! Идея странная, но почему бы и нет, черт возьми?

– Ура! – воскликнула Ким. – Правда, как именно мы будем отмечать, я не придумала, но обязательно решу этот вопрос.

– Славно, детка! Кстати, чуть не забыл...

– Таблетки? – догадалась она.

– Да.

Рон достал из колбы таблетки и вручил их Ким. Она взяла их, подъехала к стойке кухни, закинула в рот и запила водой.

– Они мне помогают. Но что мы будем делать, когда лекарств не будет?

– Они не скоро закончатся. Я зачистил несколько аптек

в городе, так что пару лет беспокоиться точно не стоит. Ну, а если понадобится, я смогу добраться и до другого города. Так что волноваться не стоит.

– Это хорошо, – улыбнувшись, сказала она.

На какое-то время в комнате воцарилось молчание. Оно не было тяжелым или неловким. Говорить без умолку не входило у них в привычку, и реакция на тишину всегда была нормальной. Но сегодня, в этот самый миг молчания, Ким посетила необычная мысль.

«Как папа так аккуратно побрился? Зеркал в убежище нет, собственно, как и порезов на его лице. Неужели он настолько хорошо владеет лезвием и ножницами?»

Ким подняла голову и в очередной раз осмотрела гостиную. Вспомнила все помещения, не забыла о тумбах и столах, а также припомнила один немаловажный момент: ни в одном углу, ни на одной стене не было не только зеркал, но и фотографий. Их вообще не было в убежище: ни ее, ни отца, ни общих с мамой. Ничего. Ким подумала об этом только сейчас. Видимо, логическое мышление восстанавливается так же тяжело, как и память.

– Пап, – обратилась она.

К этому моменту Рональд сходил за курткой, присел на диван и, подшивая рукав, отозвался, не отвлекаясь от дела:

– Да, доченька?

Он продолжал сидеть спиной к Ким.

– А почему у нас нет фотографий? – спросила она. – Па-

мять очень важна, ты сам это говорил.

Он перестал работать иглой, поменялся в лице, а затем, чтобы не подавать вида, продолжил шить.

– Ким, я говорил, что память нужна для того, чтобы помнить простейшие вещи: не тратить много воды, съесть продукты, у которых кончается срок хранения, вовремя поливать грядки. Я имел в виду такую память, а прошлое... – Он на мгновение задумался. – Прошлое в прошлом, не стоит его ворошить, особенно если былые времена несут лишь грусть и печаль. От таких воспоминаний становится только хуже.

– Надо помнить о хороших моментах, а не только о плохих.

– Ты, безусловно, права, но после приятных воспоминаний не хочется возвращаться в настоящее и тем более – задумываться о будущем... Мир изменился, и о том беззаботном периоде, в котором мы когда-то жили, лучше позабыть, чтобы не травить душу.

– Но семья – это важно.

– Согласен.

– Ты не хочешь жить прошлым, – догадалась Ким.

– Именно, – подтвердил он.

– Поэтому и не сохранил воспоминания даже на бумаге?

– Как видишь, иметь отличную память не всегда хорошо.

– Но я не знаю, как выглядели мама и сестры. Я даже не знаю, как выгляжу я.

– Ты прекрасна. Это говорю я, твой отец – тот, чье мнение

для тебе дороже всех остальных.

– Тогда скажи, как ты смог так хорошо побриться без з...

– Ну все, – сердито прервал он. – Давай не будем портить друг другу настроение! Тем более я подшил одежду, и теперь можно не беспокоиться, что туда залетит какая-нибудь пчела. А в лесу насекомых очень много! Ты же не забыла, что у нас сегодня праздник?

– Нет.

– Тогда я наверх. Вкусный ужин сам себя не добудет, – имея в виду грибы и лесные ягоды, сказал Рон. – Скоро вернусь.

После ухода Рона Ким просидела в бездействии несколько минут. Она пыталась осмыслить необычное поведение отца после вопросов о фотографиях и бритье. В итоге любопытство взяло верх, и она решила заглянуть в его комнату.

Подъехав к ее двери, Ким остановилась. Порог на входе не давал проехать. Возможно, барьер нужен был как раз затем, чтобы ограничить передвижение на кресле-коляске. Подобрав на складе пару досок и положив их на пол, Ким все же попала в личное и совсем уж скромное пространство отца. Кровать у стены, тумба рядом, небольшой шкаф для вещей. Ванночка с грязной водой стояла под кроватью – видимо, после бритья он забыл ее вылить. На случай чрезвычайных и неожиданных ситуаций на тумбе всегда лежал фонарик. Кровать аккуратно заправлена.

Из всех предметов в глаза бросался именно шкаф, так

как только в нем можно было что-то спрятать. Ким открыла створку. Внутри находилась повседневная одежда. Ничего особенного.

Она отвлеклась от шкафа и вновь осмотрела крошечную комнату. На тумбе было несколько капель. Видимо, во время бритья тазик стоял на ней. А выше, прямо на уровне лица Рона, находился небольшой гвоздик, вбитый в стену. Не нужно быть детективом, чтобы понять, для чего он. Тем не менее Ким задумалась, пытаясь понять, для чего еще, кроме зеркала, нужен этот крючок в стене. На ум не пришло других идей.

Девушка снова взглянула на шкаф и попыталась заглянуть на верхнюю полку большого отсека. Дотянуться рукой было нереально. Вскоре она нашла подходящую по длине трубу и все же достала до верхней полки. Подталкивая вещи и постепенно роняя их, она наконец добралась до маленького мешка. Внутри было что-то плоское размером с тарелку. Она развязала его и достала оттуда предмет.

«Неужели папа врет?» – подумала Ким.

Она медленно перевернула зеркало отражающей стороной вверх и, едва заметив часть лица, резко убрала его. Через мгновение Ким все же решилась взглянуть.

– Господи, – произнесла она вслух, увидев собственное лицо. – Господи! Этого не может быть.

Она продолжала рассматривать отражение. В зеркале была не юная и исхудавшая девушка, как она предполагала,

а взрослая женщина лет тридцати. И этот странный зоб на шее... У нее явно какая-то болезнь.

Положив с помощью той же трубы все вещи обратно, она приступила к поиску других тайников. Ким заглянула под матрас, осмотрела тумбу, проверила пространство под шкафом и за ним – Ничего. По крайней мере, ничего такого, что заставляло бы удивиться. Но вот зеркало...

Теперь ей было ясно, почему в убежище их нет. Рон не хотел, чтобы она знала о своем возрасте. Но для чего это ему нужно? Ким не был понятен мотив. Она сделала все, чтобы скрыть следы своего присутствия в комнате отца, после чего выехала из помещения и мысленно попыталась перечислить возможные причины, почему Рон мог лгать.

«Что ему мешало назвать правильный возраст? Он достаточно стар, чтобы быть моим отцом, даже если мне тридцать. Возможно, он старается меня от чего-то уберечь. Но от чего? От правды, – продолжала рассуждать девушка, – или от бóльшего вранья».

В момент нервного рассуждения головная боль усилилась. – Как же больно! – взявшись за виски, произнесла она.

Вдруг Ким замерла. Взгляд выдавал озабоченность и отстраненность. Девушка медленно произнесла:

– Таблетки.

А затем подумала: «Нужно перестать пить таблетки: возможно, они мне как раз и вредят. – Она осеклась. – А что, если это не так? Что если без них я вновь забуду себя? Нет.

Надо рискнуть. Просто не пить какое-то время, а если почувствую ухудшение, то начну прием вновь...»

Ким решила вести себя при отце так, будто ничего не произошло, будто она ничего не нашла. В голову закрадывались еще более пугающие мысли.

«Вдруг я ему вовсе не дочь? Что если он воспользовался амнезией и рассказал мне лишь то, что хотел, или вообще выдумал всю эту историю об окружающем мире? Что если вне убежища обычная жизнь? Без вируса. С нормальными людьми. Без военных и убийц».

Немыслимые предположения закружились вихрем. Она тут же подумала о возможном вранье в каждом слове Рона: о сестрах, о маме, даже о ее собственном имени. Кто этот человек? Кто все это время живет рядом с ней, постоянно внушая мысли о необходимости приема таблеток и страшной жизни на поверхности?

Девушка попыталась успокоиться.

А может, все эти мысли о предательстве Рона появились из-за бессмысленной жизни? Из-за рутинного существования? Может, все так, как он ей рассказывает? Но тогда какого черта Рон соврал про ее возраст? Ей явно не семнадцать, и этот человек утаивает этот факт. Нужно разобраться. И начнет она с отказа от таблеток, а дальше... Дальше все зависит от обстоятельств.

Через неделю, сидя на кухне за приготовленным обедом,

Рон неожиданно заговорил:

– Ким, я должен кое в чем тебе признаться...

Сердце девушки забилось быстрее, но она не подала виду.

– Я слушаю, пап, – произнесла она, пережевывая овощи из сада.

– Я вижу, что в тебе что-то изменилось, дорогая, – сказал он. – Я чувствую это и хочу быть открытым для тебя.

– Ты и сам довольно странный в последнее время, – осторожно высказалась она.

– Это так, – ухмыльнулся мужчина. – Но сейчас я хочу поговорить именно о тебе.

– Ну так говори уже, а то эта загадочность пугает меня.

Рон на мгновение отвел взгляд, собираясь с мыслями.

– Дело в том, – он вновь посмотрел на Ким, – что ты мне не родная дочь.

От удивления Ким открыла рот.

– Да-да, – продолжил он. – Я давно должен был сказать тебе об этом, но решил после того, как заметил, что ты отстраняешься. Очевидно, что с ростом интеллекта растет и количество вопросов. Так вот, я никогда не мог иметь детей. «Почему?» – спросишь ты. Дело в болезни, которой я переболел в детстве. Она-то меня и спасла от этого вируса, свирепствующего на поверхности!

– Но как же... как...

– Ты в шоке, – улыбнулся он. – Я бы на твоём месте тоже был ошеломлен... Твоя мама хотела детей, но при этом

любила меня. И выход из такой ситуации очевиден – приют. Мы взяли одного ребенка, девочку, потом второго – и не смогли остановиться. Нам нравилось проводить время с детьми, и неважно, были они родными или приемными. Мы жили хорошо, без проблем и в гармонии. Но с наступлением плохих времен все переменялось... Из всех моих родных выжила только ты.

Мужчина протер глаза. На его лице читалась печаль. Казалось, что слезы вот-вот побегут по его щекам. Ким также проявила чувства. Для нее эта история была слишком трагичной. Но рассказ мужчины все же не объяснял ложь о ее возрасте. Напрямую задавать такой вопрос нельзя, поэтому она зашла с абсолютно неожиданной стороны:

– Но почему ты не вылечил всех дочерей?

– Мы бы не выжили, – коротко ответил он, после чего продолжил: – Я не смог бы прокормить и обеспечить лекарством каждую... Пришлось выбирать.

Это звучало слишком правдоподобно. Ким глубоко вдохнула. Она задала еще вопрос:

– Ты же не доктор, а мама умерла еще до вируса. Как ты нашел способ лечения?

Рон на мгновение задумался, вспоминая прошлое, после чего произнес:

– Был у меня один знакомый эпидемиолог...

Десять месяцев назад

Рональд положил две таблетки в чашку и с помощью пестика принялся их размельчать. Превратив таблетки в порошок, он ссыпал содержимое в бульон, затем взял поднос с едой и направился в комнату. Открыв дверь, Рональд увидел привычную для себя картину: в инвалидном кресле сидела обездвиженная девушка. Она смотрела на него со злобой и ненавистью. Но взгляд... Этот гневный взгляд был понимающим.

– Привет, Лора! – поставив поднос, сказал он, после чего содрал скотч с лица девушки. – Проголодалась?

– Иди к черту! – закричала она. – Рано или поздно меня найдут, а тебя, суку, поджарят на электрическом стуле!

– Доченька, – прервал мужчина, – если ты продолжишь в том же духе, я буду вынужден принять меры.

– Какая я тебе дочь, псих ты долбаный?! Ты похитил меня и держишь в этом чертовом подземелье!

– Мне уйти? – спокойно спросил мужчина.

– В еде что-то есть? – резко сменила тему девушка.

– Сама скажи.

– Что ты туда добавляешь?

– Этот рецепт я держу в секрете. – Рон сделал паузу, после чего спросил: – Так мне уйти?

Живот заложницы был пустым и болел, ведь она отказывалась от еды в течение долгого времени. Причина отказа была простой и одновременно ужасной: она не чувствовала ног. За проведенное в заточении время девушка сделала вы-

вод, что проблема могла возникнуть из-за добавления в еду какого-то препарата. Других версий, почему произошло постепенное онемение ног, начинающееся с пальцев, попросту не было. В итоге объявленная голодовка сделала хуже ей же, изнузив и ослабив.

– Нет, – ответила она. – Лучше развяжи меня.

– Этого я не могу сделать.

– Я хочу поесть сама.

– Я покормлю тебя. Мне не сложно.

Девушка промолчала. Рон понимал, что рано или поздно заложница не сможет сопротивляться голоду.

– Но... – протянул он. – Ты должна хоть иногда называть меня папой.

– Ты же понимаешь, что ты не мой отец?

– Не биологический, но все равно родной.

Девушка задумалась, и тогда мужчина повторил:

– Так мне уйти? – После паузы Рон добавил: – Если ты не будешь отвечать на вопросы, у нас не получится наладить отношения. Ты поняла?

– Да.

– Тогда скажи то, что я хочу услышать.

– Покорми меня, – недовольно произнесла она.

– Нет-нет-нет, не так. Обращение к отцу должно быть соответствующим.

Девушка закрыла глаза, понимая, что психопат издевается над ней. Заставляет унижаться. Помимо всего прочего, внут-

ри нее боролось два чувства: гордость и голод. И голод выигрывал с большим перевесом. Она с отвращением посмотрела на Рона, после чего нервно произнесла:

– Пап, покорми меня.

– Ну конечно, доченька! – наигранно ответил он, после чего наполнил ложку супом и протянул к ней: – Открой ротик...

Продолжая кормить, он решил пообщаться и поднял услышанную по телевизору тему.

– В городе творится что-то странное...

Девушка покосилась на него. Ей хотелось есть, и, пока он ее кормит, лучше помолчать.

Поднеся очередную ложку уже остывшего бульона, Рональд продолжил:

– Нужно будет кое-что разведать. Я могу задержаться на неопределенное время. Но ты не переживай, я обязательно вернусь, – он улыбнулся. – Именно поэтому тебе необходимо плотно покушать сегодня. Со мной всякое может случиться.

– Куда ты пойдешь? – все-таки спросила девушка.

– Недалеко отсюда военные развернули лагерь. Туда сгоняют стариков, наркоманов и пьянчуг. Мне до жути любопытно, что там творится. Да и засиделся я что-то, развеяться нужно... Не смотри на меня так: знаю, что я стар для диверсий. – Рон ухмыльнулся. – Но в данном случае возраст может сыграть мне на руку. Я смогу раствориться в толпе. В

общем, хочу сказать тебе, чтобы ты вела себя хорошо в мое отсутствие.

– Так ты меня развяжешь?

– Да. Но ограничу этой комнатой.

– Чего ты боишься? Я все равно не могу ходить.

– Я не боюсь, доченька, ничего не боюсь. Просто так лучше для твоей же безопасности. Ты немного неуравновешенна и можешь плохо себя вести. Твоя мама предупреждала, что девочки бывают особенно агрессивны в определенные периоды.

– Мама? – До этого момента Рональд не упоминал о ней.

– Она умерла. Но раньше мы вместе воспитывали дочерей.

Глаза заложницы расширились. Девушка осознала, что если ничего не изменится, то она будет входить в число бесследно исчезнувших «дочерей». Лора неоднократно слышала по телевизору новость о том, что полиция на протяжении многих лет искала исчезнувших на окраинах города девушек. Рейды, как правило, заканчивались ничем. И сейчас... Сейчас она сидит напротив виновника тех жутких исчезновений.

Рональд продолжил:

– Мария помогала мне вас воспитывать. И хоть ее методы были грубее моих, я ценил старания жены.

Мужчина почему-то решил немного рассказать об умершей супруге.

– Она работала в больнице, а лекарства, позаимствованные в клинике, шли на пользу дочкам. Сейчас, правда, с этим посложнее, но она успела обучить меня паре медицинских фокусов. Например, чтобы девочки не бегали, Мария показала, как заставить их смиренно сидеть. – Он вздохнул. – Она была восхитительной женщиной и, конечно же, прекрасной мамой.

– И сколько у вас было дочерей? – медленно спросила заложница.

– Много, Лора, я уже и не помню точное количество. Но ты, ты особенная. Ты лучшая! Именно поэтому я спас тебя от этого кошмара. От этого пагубного воздействия мира на твой несформировавшийся юный ум. А сейчас там, наверху, становится еще хуже. Вот только я задаюсь вопросом: хуже для кого? Лично мне это на руку, но не все так однозначно. Это я и постараюсь выяснить. – Мужчина встал со стула. – Если все сложится удачно, утром я к тебе зайду.

Рональд развязал девушке руки и вышел, заперев комнату. Вскоре он взобрался по лестнице в конце коридора, открыл замок люка и поднялся наружу.

Выбравшись из переоборудованного в убежище подвала, он закрыл дверь с надписью «Склад» и направился дальше. Рон обошел стойку продавца, оказавшись в локации для покупателей. Полки, мимо которых проходил мужчина, были практически пусты, а товар, предназначавшийся для охоты и рыбалки, уже не завозился. Перебои стали нормой, а жела-

ющих что-нибудь купить в последнее время оказалось больше обычного. Рональд отщелкнул замок входной двери и вышел на улицу. Осмотрелся. Практически пустые улицы города наводили на мрачные мысли. Над головой висела надпись: «Охота Рона». Чуть дальше, рядом с воротами для разгрузки товаров, стоял небольшой грузовик. Рональд прозвенел ключами, достав их из кармана джинсов, после чего подошел к автомобилю, сел за руль и выехал к намеченной цели.

Здание, в котором располагался магазин, было многоэтажным. Весь первый этаж занимали торговые точки. Среди сотен подобных магазинчиков мегаполиса и располагалось помещение, ставшее Рональду домом.

Объезжая на грузовике городские здания, Рон удивлялся количеству ДТП, разбитых стекол в домах, отсутствию пожилых людей на улицах и явной нехватке полицейских, обязанностью которых было обеспечение порядка.

Об исчезновении стариков с улиц Рон хорошо знал – знал, что большинство из них отсиживается дома на попечении детей и родственников, а кто оказался забыт или одинок, отправлялся в тот самый лагерь за чертой города.

Минуя небольшую заповедную зону у мегаполиса, Рон направлялся к объектам, видневшимся на горизонте. Строения были возведены в короткие сроки. Выросли, словно по волшебству, ибо обычно такие объекты строятся гораздо дольше. Он прекрасно знал, что это был тот самый лагерь с никому не нужными людьми. За пару минут до остановки Рон

бросил будто бы прощальный взгляд на границу леса. Он хорошо помнил, что еще каких-то пять лет назад он вместе с Марией часто бывал там... Рональд искренне скучал по ней.

Припарковав грузовик недалеко от пропускного пункта, он осмотрелся и заметил, как у поста охраны остановился автобус. Через минуту из подъехавшего транспорта начали выходить люди. Престарелые пассажиры в сопровождении медиков и пары военных неторопливо шагали в сторону КПП. Медицинские работники их направляли, а солдаты, прибывшие с ними, сразу же переключились на общение с постовыми. Недолго думая, Рон вышел из машины, убрал с лица уверенность, изменил походку, и направился к медикам. О возможности провала он даже не думал.

Рон обратился к медбрату.

– Помогите мне, – прохрипел он умирающим голосом. Играть бедного мужчину преклонных лет он умел хорошо.

– Что с вами случилось? – с озабоченностью спросил ближайший медик.

– Мне плохо... Я...

– У вас проблемы с памятью?

– Да, именно из-за этого я приехал сюда.

– Вы, – протянул медбрат, оглядываясь по сторонам в поиске сопровождающих, – добрались сами?

– Да, – медленно отвечал Рон. – Слава богу, водить я еще умею.

– Это очень опасно. Назад мы вас не отпустим, пока вы не

пройдете обследование.

– Для этого я и приехал.

– Пройдите в колонну. Вас обязательно пропустят.

– Хорошо. Спасибо вам!

Медбрат направился к постовым, а Рональд встал в колонну из людей и, поглядывая на окружающих сотрудников лагеря, продвигался вперед. Когда очередь дошла до него, военный ничего не сказал. Лишь, как и всем, обмотал вокруг запястья прочную пластиковую ленту с порядковым номером.

Всех гражданских отвели в ближайшее от поста здание. Его площадь равнялась футбольному полю, и в нем среди тысячи стариков разместили Рона. Место напоминало лагерь для беженцев. Внутри было шумно. Среди постоянного гула множества голосов иногда пробивалась нормальная речь медицинских работников. Они-то и забирали людей примерно каждый час.

Понимая, что в здании могут быть камеры, Рональд продолжал играть недалекого мужчину, оценивая положение дел вокруг.

Через какое-то время со стороны входа в сопровождении персонала вновь показалась группа пожилых людей. Видимо, подъехал очередной автобус. Рон посмотрел на часы: он пытался понять, есть ли график у подъезжающих и... пропадающих. Рональд заметил, что тех, кто находился здесь долго, уводили в неизвестном направлении, после чего те боль-

ше не возвращались. Если у этого всего есть график, то это конвейер. Конвейер, отсеивающий убогих.

Прошло еще два часа. Рон продолжал наблюдать за обстановкой. И неожиданно из-за спины к нему обратился старик:

– Не к-к-кажется ли вам, что з-здесь как-то странно? – Дед заикался, так же, как и подавляющее число гражданских, находившихся здесь.

– Куда отводят людей? – грубо спросил Рональд.

– А мне п-п-почем знать?

– А как здесь оказался ты?

– Мне п-п-позвонили из соцслужбы. – Он задумался, вспоминая. – Вроде бы из нее. И предупредили, что за-за мной с-скоро приедут их сотрудники. Сказали ждать. А как здесь ок-к-казались вы?

– Не твое дело.

– Ч-что?

– Отвали, старик!

Пожилой мужчина враждебно покосился и, никак не комментируя грубость здоровяка, замолчал. Больше они не разговаривали.

Еще через час медик пришел за Рональдом и другими. У людей ничего не спрашивали. Смотрели на запястье, где была цифра, сравнивали с номером на бумаге и произносили лишь одну фразу:

– Пройдемте с нами.

Сформированную группу, состоявшую из гражданских с

нарушениями памяти и речи, повели в противоположную от входа сторону. Через пару минут вереница покинула зону сбора и в сопровождении двух медиков и солдата вышла на улицу. Ведущий остановил группу у входа в другое здание, набрал пароль, после чего дверь открылась и они продолжили путь.

Рон был крайним и, перед тем как войти, поднял голову, разглядывая строение. Снаружи оно было ничем не примечательно, но, оказавшись внутри, он быстро смекнул, что это какая-то лаборатория. В коридоре преобладал белый цвет. Им приказали надеть бахилы и ничего не трогать. Группа продвинулась вперед, оставив позади несколько закрытых кабинетов. На одной из дверей Рон разглядел табличку с надписью «Туалет». Неожиданно для сопровождающих он отклонился от маршрута и остановился, оперевшись о подоконник, изображая ухудшение состояния здоровья.

– До нужного кабинета осталось немного, – обратился медик к Рону. – Там сделают укол, после чего вам станет лучше.

Со стороны Рональда реакции не последовало, и тогда сотрудник задал прямой вопрос:

– Вы можете идти?

Вместо ответа Рональд изобразил рвотные позывы, после чего медик поправил маску и предложил:

– Давайте я отведу вас в туалет.

Он подал сигнал ожидавшей группе, и та продолжила идти без них. Медик и Рональд зашли в туалет. Все кабин-

ки оказались открытыми: в помещении никого не было. Как только Рон это понял, он тут же изменил выражение лица. Выпрямившись, он сердито посмотрел на медика сверху вниз, и тот мгновенно почувствовал неладное. Парень потянулся за газовым баллончиком, но, к его удивлению, «старик» быстро отреагировал, ударив его в лицо. Медик упал на кафель и выронил единственное средство защиты.

Рональд тут же произнес:

– Если крикнешь, я тебе башку сверну.

– Что вы... Что вы делаете? – отползая от подступавшего мужчины, нервно спросил парень.

– Я просто хочу знать, чем вы, мать вашу, тут занимаетесь!

– Это секретная информация, – растерянно отозвался парень, вставая на ноги. Он быстро понял, что Рона это не волнует. Медик лихорадочно продолжил: – Быстро не получится объяснить.

– А ты постарайся.

Заложник на секунду замолчал, всматриваясь в суровое выражение лица гражданского. Долго анализировать серьезность мотивов не пришлось: Рональд схватил его за горло и прижал к стене. Ощущая крепкий хват на шее и боль от удара в затылке, парень сказал:

– Хорошо, – он задышался. – Хорошо, я, скажу.

Рон отпустил. Парень отдышался, после чего заговорил вновью:

– Мы... – Молодой человек поперхнулся. – Наша задача

заключается в исследовании нового вируса и...

– Для этого вам и нужны все эти старики и наркоманы? – тут же прервал Рон.

– Прежде всего это одинокие люди. У них нет родственников и близких. По крайней мере, в этом заверяет наше руководство.

– Государству нужны люди для экспериментов?

– Скорее, для испытаний.

– Испытаний чего?

– Лекарства от вируса. Штамм подавляет иммунную систему старых и больных быстрее, чем... – Медик запнулся.

Рональд изменил положение головы.

– Быстрее чем? – повторил он и добавил: – Кого?

– Быстрее, чем всех остальных.

Рональд удивился.

– Что? – протянул он, понимая, что речь идет обо всем населении страны или даже планеты. – Что ты несешь?

– А вы думаете, государство выделило невысказанное количество бабок на поиск лечения просто так? Думаете, открытие подобных баз ничего не стоит? Это сумасшедшие деньги, и их не станут давать просто так!

– Наша власть сильно испугалась, – догадался Рон.

– Конечно, испугалась! Так же, как и все остальные. Кто знает, что ожидает человечество в будущем, если испытания провалятся? Эта информация, между прочим, секретнее, чем подземелье Пентагона. За ее разглашение сажают в

тюрьму.

– Как он влияет на людей?

– Вирус? А разве это не очевидно?

– Меняется речь, ухудшается память, – ответил на свой же вопрос Рон.

– Именно. А дальше, если коротко, полная деградация.

– Вы нашли способ лечения?

– Мы сейчас как раз и занимаемся его разработкой. Пока удалось выяснить, что в изолированном от внешней среды помещении воздействие вируса на организм слабеет. Дыша очищенным воздухом, старики и другие испытуемые теряют интеллект гораздо медленнее. Следовательно, процесс деградации молодых и здоровых людей может растянуться в разы. На годы, если быть точнее.

– Откуда вы это знаете? Зараза пришла не так уж и давно.

– За два года испытаний мы успели это доказать.

– Два года?

– Простым людям не нужно знать всего.

– Что именно вы доказали?

Рональд постоянно прерывал. Времени на разговор было в обрез.

– То, что ухудшение памяти тех, кто оставался в городе, и тех, кто был на попечении государства, несравнимо. Спад умственных способностей был у обеих групп, но отличался сроком. Городские сильно сдавали, а вот те, кто жил в закрытых условиях, протянули гораздо дольше. Легко предпо-

ложить, что инкубационный период у молодых людей увеличится в разы по сравнению со стариками, наркоманами и просто больными. И да, местоположение человека также влияет на процесс отупения.

– В смысле?

– В некоторых регионах ситуация гораздо сложнее, чем в других. Мы не знаем, с чем это связано. Но в одном регионе люди теряют разум быстрее, чем в другом.

Рональд на мгновение задумался и задал очередной вопрос:

– Куда вы нас вели?

– На испытание. Мы просто колем вирус паротита и наблюдаем. Кого-то отпускаем, кого-то оставляем здесь и ведем статистику выздоровления.

– И о чем она говорит, эта ваша статистика?

– О том, что два вируса не могут ужиться в одном теле. Они неопределенное время борются, и в итоге жертвой этой самой борьбы становится носитель.

– То есть противоядия нет?

– Пока нет. Но небольшой процент населения все же не подвержен вирусу...

В закрытую дверь туалета кто-то постучал.

– Арни! – крикнул солдат из сопровождения. – Вы скоро там? Все уже готовы.

Рон посмотрел на медика, наклонился к его уху и тихо сказал:

– Сейчас я открою дверь, и ты скажешь, чтобы он вошел.

Ты понял?

– Да.

– Веди себя хорошо, Арни.

Из-за двери вновь послышалось:

– Арни! Ты там?

Замок отщелкнулся, после чего Рональд встал за дверь.

Он подмигнул медику.

– Он взял меня в заложники! – тут же крикнул Арни, услышавшись похитителя.

В комнату ворвался военный, но тут же получил удар в висок, отчего его отбросило на простенок между кабинок. Через секунду солдат лежал неподвижно. Рон вновь закрыл дверь и, забирая оружие у военного, обратился к медику:

– Я же сказал быть хорошим мальчиком.

– Простите, я испугался.

– Прощу, если ты дашь мне больше информации.

– Что вы еще хотите знать?

– Ты упоминал небольшой процент... Некоторые все-таки останутся здоровыми?

– Да. – Арни осекся, он боялся того, что, как только все расскажет, здоровяк его прихлопнет. Оттого и тянул время.

– Ну, – поторапливал Рон, – и кто же эти счастливики?

– Переболев сложной формой паротита, люди приобретают иммунитет.

– А вы, значит, пытаетесь заразить тех, кто им не болел?

– И, как вы уже поняли, организм человека не выдерживает противостояния двух вирусов.

Молодой человек замолчал.

– Арни, ты точно больше ничего не хочешь добавить? – раздраженно произнес Рон.

– Мы не до конца изучили этот вирус, но точно знаем, что защищены те, кто переболел паротитом до его появления. Сейчас им невозможно...

Рон беспричинно улыбнулся. Арни вновь умолк, не понимая многозначительной и пугающей реакции здоровяка. Вслед за оскалом прозвучал сдержанный смешок. Складывалось впечатление, будто засмеялся душевнобольной. Медик продолжал настороженно смотреть на мужчину.

– Ну ты, Арни, даешь! Ты говоришь, не отупеют лишь те, кто переболел паротитом?

– Да.

Рон положил руку на плечо медику. Арни по-прежнему не понимал реакции, но все же решился спросить:

– П-почему вы смеетесь?

– В свое время я хотел убить свою престарелую мать...

– Что? При чем здесь это?

– Когда я встретил жену, я проклинал мать за наплевательское отношение ко мне. Ей было все равно, есть я или нет, и я ненавидел ее за это. Но сейчас, сейчас я просто... я просто благодарен ей за такое детство.

– Вы переболели паротитом, – догадался парень.

– Да, Арни. Получается, я иммунный.

Медик молчал. Рон решил задать последний вопрос:

– Насколько вы близки к созданию вакцины?

– Ее пока не существует, и неизвестно, получится ли она вообще.

– Отлично. Арни! Ты поднял мне настроение, и именно поэтому я тебя не убью. Но кое-что я все же должен прихватить из вашей лаборатории, и ты, друг мой, поможешь мне в этом.

– Что вы хотите?

– Знаешь, у меня есть предчувствие, что мир может рухнуть в любой момент. Да ты и сам на это намекнул. Но, помимо всего прочего, я люблю людей и особенно – детей. Когда все пойдет прахом, я собираюсь взять на попечение нескольких. И попытаюсь их вылечить.

– Вы не вылечите никого. Сможете восстановить деятельность мозга, но это временно: итоговый результат все равно будет плачевным.

– Это моя забота.

Рон подошел к лежащему без чувств военному, сковал его же хомутами руки и ноги и вынул из кобуры пистолет, после чего приблизился к Арни и грозно приказал:

– А теперь веди меня к образцам паротита.

В коридорах было практически безлюдно. Рон держался так, будто он свой в этом лагере. Идя позади Арни почти вплотную, он сжимал в кармане пистолет.

– Почему нас еще не ищут? – спросил Рональд.

– Старикам часто бывает плохо. На отставания уже не обращают внимание.

Когда они оказались перед очередным кабинетом, медик ввел пароль на двери. Через мгновение оба вошли в помещение. В лаборатории хранились многочисленные пробирки.

Рональд предположил, сколько способен унести с собой.

– Положи двенадцать пробирок из того холодильника. –

Мужчина указал на дверку с надписью «Паротит».

– Двенадцать? Куда вам столько?

– Не твое дело.

Медик сложил в специальный контейнер штаммы вируса, после чего Рон посмотрел на его бейдж и сказал:

– Закрой глаза.

– Что? Не...

Через мгновение Арни оказался на полу. Рональд отправил его в нокаут и оттащил в сторону. Затем он сорвал бейдж, надел халат, хранившийся неподалеку, и вышел в коридор. Пароль на выход не понадобился: изнутри дверь открывалась простым нажатием на кнопку.

Вскоре Рональд оказался на улице. Проходя мимо постовых в облике медицинского работника, он не вызвал подозрений. Рон прошел за черту охраняемой зоны, сел в машину и без лишней суеты уехал прочь.

В убежище его ожидал бардак. Рон тут же понял, что Ло-

ра каким-то образом смогла выбраться из комнаты. Но что может противопоставить ему человек, не чувствующий собственных ног? Тем более, это была хрупкая девушка. Рональд знал, что она не сможет оказать сопротивления.

Немного подумав, он отложил контейнер в сторону и прошел вперед. Оказавшись в центральной комнате, мужчина окончательно разозлился из-за этого преступного хаоса в помещении. Он закричал:

– Лора! – Рональд огляделся. – Я знаю, что ты здесь! Прятаться нет смысла. Это место явно не для прятков. – Пауза. – Черт тебя дери, Лора! – угрожающе заорал хозяин убежища. – Не заставляй меня применять силу!

Молчание.

– Лучше выползи сама и убери все это, и тогда я, возможно, тебя не трону.

Рон заметил в своей комнате колесо инвалидного кресла. Сжав кулаки и резко выдохнув, словно бык на корриде, он быстрым шагом направился к креслу, но неожиданно обо что-то споткнулся. С грохотом рухнув на пол, он подумал, что отшиб себе все, что можно. Сжав челюсти, Рон произнес:

– Что за... – и тут же посмотрел назад, отыскивая причину падения.

Леска. На высоте щиколоток была натянута чертова леска!

Через мгновение послышалось шуршание. Рональд обер-

нулся на звук и тотчас заметил перед своим лицом пролетающий нож. Предмет был в руке Лоры. Она подползла к нему и из положения лежа атаковала. Девушка повторно взмахнула холодным оружием и угодила Рону в плечо. Нож вошел в плоть, как в масло. Рон заорал от боли и тут же со всей силы оттолкнул девушку от себя.

– Ах ты, сука!

Не выдергивая острие, Рон отвел взгляд от ранения в сторону Лоры. Она не двигалась.

– Лора, – интонация приобрела оттенок сожаления. – Лора, ответь!

Девушка молчала.

Он тяжело поднялся, подошел и, опрокинув ее на спину, заметил на виске ссадину. Девушка ударилась о тумбу. Рон прикоснулся к ее шее. Пульса не было.

Лицо мужчины помрачнело, а через мгновение скорбь взяла верх над другими чувствами.

– Доченька, очнись! Лора, как же... Как же я без тебя? – Глаза Рона выдавали печаль. Он нервно произнес: – Почему вы все так плохо себя ведете? Я устал вас хоронить!

Он попытался поднять тело, но тут же остановился. Резкая боль в плече дала о себе знать.

Через некоторое время Рональд обработал рану. Взглянул на все еще лежавший труп в гостиной. Вздохнул, о чем-то размышляя. А после подошел к телу, взял за ногу и небрежно потащил в свою оранжерею.

Десять месяцев спустя.

– В общем, мой друг, Арни, – соврал Рон на слове «друг», – игнорируя секретность, передал препарат, с помощью которого можно вернуть сознание. Правда, он добавил, что этот способ лечения далек от совершенства и что риск для здоровья очень велик.

– То есть я...

– Ты могла умереть, доченька, – перебил Рон, – но я все же рискнул. На мой взгляд, это лучше, чем быть подобным им. – Он указал пальцем вверх, имея в виду деградантов, разгуливающих на поверхности.

– Я ничего не понимаю... Так лекарство было?

– Шанс на выздоровление был минимален. Никого не устраивал такой результат и такой процент выживаемости. Доработка препарата растянулась, пока не стало слишком поздно. – Он сделал паузу, а затем добавил: – По крайней мере, я так предполагаю, мне же никто не докладывал.

– Значит, я должна сказать спасибо твоему другу?

– Это так. Хороший был парень.

– Он умер? – спросила Ким.

– В этом хаосе? Вполне вероятно. Мы потеряли связь сразу после разговора о лечении.

– И сколько ты держал меня в той комнате?

– Все время, на которое тебя покинуло сознание, ты провела там. Для меня это длилось долго... бесконечно долго.

Девушка приложила ладонь ко лбу.

– Что с тобой, доченька? – взволнованно произнес Рон.

– Голова.

– Опять? Сейчас принесу таблетки.

Отец дал ей лекарство, и перед тем, как запить его водой, она загнала две таблетки за щеку языком и сделала вид, что проглотила.

– А головные боли – это побочка от лечения?

– Верно. Но по сравнению с тем, что могло тебя ожидать, это пустяк, мелочь. Сейчас ты практически здорова, и это самое главное. Я так рад, что могу с тобой говорить! Я долго ждал этого момента.

– Я тоже рада этому, – с натяжкой улыбнулась Ким, пытаюсь игнорировать головную боль.

Он ухмыльнулся в ответ и произнес:

– Давай закончим с сантиментами. Дела никто не отменял. Я схожу в оранжерею, а ты пока помой, пожалуйста, посуду.

– Хорошо.

Он встал со стула и лениво зашагал в комнату. Ким тут же выплюнула таблетки в ладонь. Они успели немного сососаться во рту, о чем сообщал их внешний вид и соответствующий привкус. Девушка положила таблетки в карман и направила кресло в сторону кухни.

Спустя несколько дней Ким занималась тем же, чем и все-

гда: читала книги, смотрела фильмы, прибиралась, где могла. Во время выходов отца на поверхность она чувствовала себя свободнее. Одной ей было спокойней. Подозрения, что Рональд выдает себя не за того, кем представляется, никуда не делись, и бальзамом на душу в такие моменты были разные догадки. Например, она думала, что отец... Хм, отец! Она действительно привыкла называть Рона папой, ведь он врал наверняка из лучших побуждений, и та забота, которой он ее окружил, говорила о попечении без ожидания какой-либо отдачи. И хоть иногда он вел себя странно, Ким реагировала на это с пониманием. Она представляла себя на его месте, осознавала, что он, будучи практически стариком, заботится об инвалидке и при этом не падает духом. Это достойно уважения. Ну, а срывы... Это нормально, ведь люди – не роботы, иногда им надо вымещать негативную энергию. Но все же Ким иногда противопоставляла бережному надзору его мотивы. Зачем человеку преклонных лет забота о ком-то чужом, ведь ему самому скоро будет нужна постоянная помощь?

Порой сумбурные мысли Ким не давали ей покоя. В такие моменты девушка представляла отрицательный образ отца. Она неоднократно воображала, что Рональд все выдумал, выдумал мир, о котором так часто ей говорил, выдумал родственную связь, выдумал ее болезнь. Доказательств для причины ее затворничества было мало, оттого сомнений в отце становилось больше. Хороший Рон или плохой, Ким не мог-

ла понять до определенного момента...

Однажды у Кимберли проявилась чувствительность ног. Она ощущала прикосновения выше колен. А вскоре ей и во все удалось пошевелить пальцами на ногах. Таблетки, которые Рон давал каждый день, вредили ей. Теперь она была уверена в этом.

Когда Ким пошевелила пальцами впервые, она не поверила, так как в этот момент не смотрела вниз. Просидев несколько секунд с открытым от удивления ртом, девушка решила наклониться и визуально убедиться в их движении. Усилие – и пальцы вновь шевельнулись.

– Господи, – с воодушевлением произнесла она вслух. – Неужели я могу...

Голову моментально посетила ошеломляющая мысль о том, что она все-таки может оказаться ходячей. Но в эту же секунду ее лицо изменилось. В ней закипела злость. Ведь восстановленная чувствительность служила доказательством, что отец подавляет ее способность ходить. Таблетки атрофировали мышцы всего тела, на ногах это сказалось больше всего. Спустя месяц отказа от них она может чувствовать себя ниже пояса и шевелить пальцами. Рональд травил ее. Но для чего? Чтобы она не видела мир, о котором он рассказывал? Очередное вранье раскрыто, и оно куда серьезней, нежели то о возрасте. А если сложить эти два раскрывшихся факта воедино, то получится совсем жуткая кар-

тина. Мысли о том, что Рон – психопат, держащий ее ради забавы, рвалась наружу и становилась все очевидней и очевидней.

Ким понимала, что скрывать изменения, пока она не сможет уверенно передвигаться, просто необходимо.

Через неделю, когда Рон вновь вышел в рейд, она попыталась подняться с кресла. Встать на ноги. Момент был волнительным, и девушке пришлось заpastись терпением и смелостью. Ей приходилось учиться ходить заново без чьейлибо помощи.

Подъем с кресла дался относительно легко. Пошатываясь, Ким попыталась перенести стопу, но нога тут же подвернулась, и она оказалась на полу.

– Сдаваться не время, – прошипела она.

Девушка встала на четвереньки, затем, приподняв туловище, ухватилась за спинку дивана руками. Опираясь о мебель, она вновь встала на ноги и все же сделала шаг. Потом – еще один. Было тяжело, но Ким сумела самостоятельно сдвинуть ноги с места.

Ее переполняли яркие эмоции и чувство приближающейся свободы и самостоятельности. Из-за излишней эмоциональности продвижение дальше оказалось невозможным, настолько эффект от первых шагов повлиял на душевное состояние Ким. На глазах девушки проступили слезы. Несмотря на успех, ей пришлось вернуться в инвалидное кресло,

чтобы успокоиться.

– Я смогла, – произнесла она, одновременно вытирая слезы и улыбаясь.

В этот же миг ее голову пронзил сильнейший спазм. Она прижала ладони к вискам.

– Как же больно, – стиснув зубы, пробормотала Ким. Казалось, что в череп вбивали гвозди. После очередного такого удара она свалилась на пол и потеряла сознание.

Очнулась Ким в постели. Отец увидел ее пробуждение и сказал:

– Я нашел тебя лежащей на полу, дорогая. Что случилось?

– У меня сильно заболела голова, и, видимо, я потеряла сознание.

– Это... – Рональд хотел сказать «плохо», но передумал. – Это пройдет. Мне говорили, что выздоровление может оказаться болезненным, – успокаивал он.

– Скорей бы эти боли прекратились.

– Рано или поздно они закончатся. Ну ладно, лежи. Я принесу тебе воды, а затем разберу сегодняшнюю добычу.

Рон отошел, и Ким посмотрела на ноги. Она шевельнула стопой и подумала: «Слава Богу, мне не почудилось».

Восстановившись после потери сознания, Кимберли продолжала передвигаться по убежищу в кресле. Но как только Рон уходил, она вставала на ноги и пыталась их разработать,

натренировать, приучить к ходьбе. Атрофия мышц была серьезной. Ким передвигалась по убежищу, держась за стены. Первым делом она посетила комнату Рона, оставив кресло у порога.

Девушка заглянула в те места, до которых не могла добраться, будучи сидячей. Она отодвинула тумбу – ничего. Заглянула под картину, надеясь найти что-то вроде скрытого от глаз углубления в стене – стена оказалась сплошной. Тогда, все еще с трудом передвигаясь, она принесла с кухни стул, встала на него и посмотрела в ранее недостижимое пространство между шкафом и потолком. Там она обнаружила черный пакет. Он был в пыли. Видимо, Рон давно его не доставал.

Ким неуклюже спустилась и открыла пакет. Внутри находился «Полароид». Она взяла его в руку, повертела и отложила в сторону. Также в пакете находился конверт. Девушка открыла его и увидела фотографию, судя по размеру, снятую на тот же «Полароид». Ким взяла ее в руку и замерла: на снимке была она. Но девушка не помнила, когда было сделано это фото. Следовательно, это еще до осознания. В этот момент Ким обрадовалась, что уже видела свое отражение, ведь если бы тогда она не нашла зеркало, то не имела бы понятия, кто запечатлен на этом снимке. Не представляя, для чего нужен этот кадр, она положила его и почувствовала, что в пакете есть что-то еще. На самом дне находился телефон. Эта вещь заинтересовала ее больше всех. С него можно позво-

нить, но вместе с этим Ким понимала, что это невозможно сделать из-за толстых стен убежища и отсутствия сим-карты. Надеясь, что телефон ей скоро пригодится, она достала его. Интуитивно включила. Видимо, Рон однажды заряжал его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.